
Элин Вейр
Наследница забытой клятвы

Элин Вейр

Наследница забытой клятвы

«Автор»
2026

Вейр Э.

Наследница забытой клятвы / Э. Вейр — «Автор», 2026

Что, если самая опасная тайна империи скрывается не в запретной магии, а в забытой клятве?Катерина де Вальтер — младшая дочь могущественного герцога, обладательница острого языка, независимого характера и необычного дара видеть скрытые связи магических плетений.Однажды случайная находка приводит её к загадке древней Клятвы Семи Домов, на которой веками держалось могущество империи. Но почему старинные магические системы отличаются от современных? Кто уничтожил упоминания о восьмом участнике клятвы? И кому выгодно, чтобы правда оставалась забытой?В поисках ответов Катерине предстоит столкнуться с дворцовыми интригами, раскрыть опасные секреты прошлого и научиться доверять Себастьяну де Рейнару — человеку, который раздражает её почти так же сильно, как притягивает.Древняя клятва ждёт наследницу. Но готова ли империя услышать правду?

© Вейр Э., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Утро в Розенхольме 6
Глава 2. Третья петля 11
Глава 3. Дорога к южному мосту 17
Глава 4. О письмах, пироге и прочих бедствиях 23
Глава 5. Последние дни лета 26
Глава 6. За воротами Розенхольма 31
Глава 7. Столичные хлопоты 35
Глава 8. Приём с нежелательными последствиями 38
Глава 9. О том, что слышат стены 43
Глава 10. Под сводами императорского дворца 47
Глава 11. После полуночи 53
Глава 12. Утро, которое наступило слишком поздно 56
Глава 13. Разговор по правилам 60
Конец ознакомительного фрагмента. 64

Элин Вейр
Наследница забытой клятвы

Глава 1. Утро в Розенхольме

В тот день, когда Кристиан решил окончательно испортить мне завтрак, ничто не предвещало неприятностей. Более того, утро обещало быть настолько прекрасным, что я уже успела составить список дел, которых не собиралась делать. В него входили разбор переписки, повторение правил придворного церемониала и беседа с портнихой, неизменно заканчивавшаяся уверениями, будто для приличного появления при дворе мне недостаёт ещё хотя бы трёх платьев. От всего перечисленного я рассчитывала уклониться с достоинством, достойным наследницы старинного рода.

В распахнутое окно вливался пахнущий нагретыми листьями воздух. За тонкими занавесями, которые едва шевелил ветер, лежал сад: тёмные шапки старых лип, гравийные дорожки, блестевшая на солнце крыша оранжереи. Где-то у конюшен перекликались люди. Розенхольм просыпался неторопливо, как большой дом, совершенно уверенный в том, что все важные события могут подождать до полудня.

Я сидела перед зеркалом, тщетно пытаясь заставить выбившуюся прядь вернуться в причёску, когда в дверь постучали. Три коротких удара, один длинный. Так стучал только Кристиан — с раннего детства, когда считал, что подобный условный знак делает любое вторжение менее возмутительным.

— Катя, ты уже встала?

— Нет. Я отвечаю тебе исключительно во сне.

Дверь приоткрылась. В щели показалось лицо брата, затем стопка бумаг, затем сам брат. Из всех членов нашей семьи Кристиан обладал редким талантом являться в комнату так, словно часть его по-прежнему находилась в лаборатории и только по недоразумению следовала за остальным телом.

— Прекрасно, — сказал он, не заметив издёвки. — Мне нужна твоя помощь.

— Тогда ты, несомненно, пришёл в самое подходящее время. Особенно если помощь заключается в том, чтобы отнести эти бумаги в библиотеку и забыть там навсегда.

Кристиан остановился посреди ковра и посмотрел на меня с искренним недоумением.

— Зачем же их забывать?

Я отложила шпильку.

— Сколько времени?

— Совсем немного.

— Кристиан.

— Полчаса. Может быть, час. Я подготовил новую матрицу и хочу проверить один узел до того, как отец потребует отчёт о расходе накопителей.

Последнее обстоятельство, признаться, меня заинтересовало. Не потому, что я разделяла страсть брата к отчётности, а потому, что отчёт об использованных накопителях обычно появлялся в нашей семье после того, как в лаборатории происходило нечто достаточно заметное, чтобы этим заинтересовались управляющий, отец и половина прислуги.

— Что ты сделал?

— Пока ничего.

— Значит, собираешься.

Кристиан вздохнул — с той бесконечной терпеливостью, какую исследователи берегут для людей, задающих, по их мнению, неверные вопросы.

— Я изменил способ распределения нагрузки между внешними контурами. Если расчёт верен, матрица сможет удерживать сложную защитную структуру почти без потери энергии.

— А если неверен?

— Тогда она не заработает.

— Как утешительно.

Он положил бумаги на мой туалетный столик, едва не опрокинув флакон духов. Я убрала флакон подальше и развернула верхний лист. На плотной сероватой бумаге тянулись аккуратные строки расчётов, перемежавшиеся изображениями магических контуров. Кристиан писал прекрасно, если не считать того, что половину общепринятых обозначений считал личным оскорблением и заменял собственными.

— Почему здесь три замкнутые петли? — спросила я, указав на рисунок.

Брат оживился.

— Вот именно! В прежних моделях использовались две, но третья позволяет распределить избыточный поток.

— Я не о том. Почему она замкнута здесь, а не у опорного узла?

— Потому что иначе нарушится симметрия.

— А сейчас не нарушится устойчивость?

Кристиан склонился над листом. Я видела, как привычная рассеянность исчезает с его лица, уступая место сосредоточенности. Он был на три года старше меня, но в такие минуты напоминал мальчика, который впервые обнаружил, что мир устроен сложнее, чем ему рассказывали. Иногда я завидовала его способности радоваться даже ошибкам — при условии, конечно, что ошибка была достаточно интересной.

— Ты ещё не видела саму матрицу, — сказал он наконец.

— А ты уже успел испортить мне половину причёски одним своим появлением.

— Вторая половина выглядит превосходно.

Я сурово посмотрела на него. Брат улыбнулся — коротко, виновато и совершенно без надежды на исправление.

— После завтрака, — постановила я. — И только если ты обещаешь не включать ничего до моего прихода.

— Разумеется.

— Ты ответил подозрительно быстро.

— Катя, я умею ждать.

— Последний раз, когда ты это утверждал, в восточной галерее три дня пахло грозой.

— Зато мы выяснили причину.

— Выяснили её все, включая конюха. Ступай, пока я не передумала.

Кристиан забрал листы и исчез, оставив за собой дверь приоткрытой. Я снова взялась за шпильки и, встретившись взглядом с собственным отражением, невольно усмехнулась. В нашей семье считалось, что младший ребёнок непременно избалован. Возможно, это было правдой. Но почему-то никто не вспоминал, сколько времени младшему ребёнку приходится тратить на воспитание старших братьев.

Пока я одевалась, на столике у окна остывал чай, принесённый служанкой. Я предпочитала не держать её при себе дольше необходимого: с застёжками справлялась самостоятельно, а надевать на меня серьги с таким выражением, будто от этого зависела судьба государства, было занятием решительно бессмысленным. Сегодня я выбрала светло-голубое платье с узкими манжетами и мягкой складкой на юбке. До отъезда в столицу оставалось несколько дней, и Розенхольм пока позволял своим обитателям некоторые вольности.

На лестнице пахло полированным деревом и свежими цветами. Под высоким окном первого пролёта стояла чаша с белыми поздними розами. Свет проходил через цветные стёкла и ложился на ступени размытыми пятнами, в которых изредка пробегали крошечные искры: старые охранные нити, вплетённые в оконную раму, отзывались на восходящий поток.

Я замечала подобные вещи с детства. Большинство людей видело лишь прозрачное стекло и солнечные блики, в лучшем случае чувствовало слабое покалывание рядом с работающим артефактом. Для меня же магические конструкции всегда существовали словно вто-

рым слоем поверх привычного мира: тонкие линии, переплетённые петли, узлы напряжения, которые меняли оттенок в зависимости от силы и назначения. Я давно перестала объяснять это знакомым. Люди либо принимали мои слова, либо пытались немедленно заставить меня описать каждую зачарованную ложку в радиусе десяти шагов.

У двери столовой меня нагнал Дамиан.

— Наша дорогая сестра, — торжественно произнёс он, подхватывая меня под руку. — Ты слышала печальную новость?

— Ты наконец решил вести себя благоразумно?

— Не надо оскорблять меня натощак. Нет, Кристиан потребовал ещё шесть накопителей.

— Тогда печальная новость скорее для отца.

— Отец пока ничего не знает.

— Теперь понимаю, почему ты так доволен.

Дамиан был старше меня на шесть лет и считал это обстоятельство достаточным основанием для бесконечного числа замечаний, наставлений и совершенно ненужных советов. Его тёмно-русые волосы были аккуратно подстрижены, форменный сюртук — безупречно застёгнут, а в глазах пряталась та особая искра, которая обычно предшествовала семейному скандалу небольшого, но выразительного масштаба.

— Я ничего не говорил о довольстве, — возразил он. — Я просто намерен присутствовать при разговоре.

— Из научного интереса?

— Разумеется. Надо же изучать поведение старшего поколения в естественной среде.

Когда мы вошли, за столом уже сидели отец, мать, Александр и Виктория. Кристиан занял место возле окна и с подозрительной сосредоточенностью намазывал масло на хлеб. Это был дурной знак. Обычно, если Кристиан помнил о существовании завтрака, значит, пытался скрыть что-нибудь действительно важное.

— Доброе утро, — сказала я.

— Утро было добрым до твоего появления рядом с Дамианом, — заметил Александр, не отрываясь от письма.

— Как несправедливо, — ответил Дамиан. — Мы ещё даже ничего не сделали.

— Именно это меня и тревожит.

Виктория тихо рассмеялась. Она сидела рядом с мужем в платье тёплого кремового оттенка, и золотистые волосы были собраны у затылка простой заколкой. Мне всегда нравилось, что в семейном кругу она почти не старалась производить впечатление. При дворе Виктория могла выглядеть воплощением невозмутимой герцогской элегантности; дома же с удовольствием спорила с Дамианом и не хуже меня умела заставить Александра забыть о своей величественной серьёзности.

— Садись, Катенька, — сказала мать. — Пока твой брат не начал очередную лекцию о преимуществах холостяцкой жизни.

— Я никогда не читал таких лекций, — возмутился Дамиан.

— Ты проводишь их ежедневно, — заметил отец, складывая газету.

Слуга налил мне горячий шоколад. Я поблагодарила его и потянулась за булочкой, стараясь не обращать внимания на выразительные взгляды Кристиана. Мать между тем сообщала Виктории, что столичная портниха подтвердила встречу, а Александр уже начал рассуждать о письме из провинциального управления.

Всё было привычно: звон посуды, запах поджаренного хлеба, голоса, отражавшиеся от высоких стен столовой. На камине стояли часы с неподвижным серебряным маятником — двигатель у них был магический, но изготовитель из уважения к старине оставил декоративную деталь. За окнами блестели кроны деревьев, а на дальнем склоне парка садовники собирали упавшие ветви после ночного ветра.

— Катерина, — произнесла мать тоном, который никогда не предвещал свободы выбора. — Я надеюсь, ты не забыла, что во вторник мы отправляемся в столицу?

— Если забуду, вы сможете напомнить мне об этом в карете.

— И что до отъезда необходимо примерить два платья?

— Одно из которых, насколько я помню, уже примеряли трижды.

— Потому что после второй примерки ты попросила изменить рукава.

— Я просила сделать так, чтобы могла поднимать руки.

Дамиан отставил чашку.

— Могу подтвердить, что эта способность бывает полезна.

— Особенно когда нужно запустить в кого-нибудь подушкой, — добавила Виктория.

— Виктория, — укоризненно сказал Александр.

— Что? Это исторический факт.

Я благодарно улыбнулась невестке. Александр покачал головой, но уголок его рта дрогнул.

— Помимо примерок, — продолжила мать, — нам предстоит обсудить список визитов. Императорский приём в этом году обещает быть необычайно многолюдным. Приедут представители северных провинций и несколько посольств.

— Де Рейнары тоже? — поинтересовался отец.

— Насколько мне известно, да, — ответил Александр. — Герцог прибудет к заседанию совета. Его сын уже в столице.

Мне это имя было знакомо по газетным сообщениям, хотя ничем не отличалось от десятка других старинных фамилий, всплывавших всякий раз, когда речь заходила о службе, землях и политике. Я больше заинтересовалась тем, что отец внезапно замолчал. Он смотрел в окно, слегка прищурившись, словно пытался вспомнить нечто, не относящееся к общему разговору.

— Адриан? — тихо позвала мать.

— Простите. Я думал о письме из Астерхольма. В совете снова обсуждают распределение источников на северной границе.

— Это связано с зимними перебоями? — спросил Александр.

— Возможно. Пока недостаточно сведений.

Отец произнёс это спокойно, и беседа потекла дальше. Но я уловила, как мать чуть заметно коснулась его руки. Они прожили вместе больше тридцати лет и редко нуждались в словах, чтобы понять друг друга. Я любила наблюдать за ними; даже когда они спорили, в их разговорах оставалось нечто устойчивое, словно никто не сомневался в том, что спор закончится, а они останутся рядом.

— Кстати, — сказал Кристиан неожиданно громко, — после завтрака Катя обещала прийти ко мне.

Я закрыла глаза.

— Неужели?

— Мы исследуем новую матрицу.

— Без накопителей, я надеюсь, — произнёс отец.

Кристиан застыл с ножом в руке. Дамиан, сидевший напротив, немедленно проявил живейший интерес к своему завтраку.

— Зависит от того, что именно считать накопителем, — осторожно начал Кристиан.

— Я обычно считаю им предмет, указанный в складской ведомости под соответствующим названием.

— Тогда, вероятно, с накопителями.

— Сколько?

— Для первоначальной проверки потребуется всего два.

— А остальные четыре? — ласково спросила я.

Дамиан подавился чаем. Кристиан медленно повернул ко мне голову с выражением человека, в присутствии которого только что нарушили древнюю священную клятву.

— Катя.

— Я решила помочь тебе с отчётностью.

Отец отложил вилку, а мать прикрыла улыбку салфеткой. Александр наконец поднял взгляд от письма.

— Кристиан, — сказал он, — если тебе нужны шесть накопителей, разумнее начать с объяснения, почему именно шесть.

Брат выпрямился и принялся рассказывать. Через три минуты Александр уже задавал уточняющие вопросы, через пять отец потребовал показать расчёты, а ещё через две Дамиан предложил выделить деньги на строительство отдельной башни, которую в случае неудачи можно будет оплакивать, не прерывая завтрака.

Я слушала их, согревая ладони о чашку, и думала о том, как сильно буду скучать по этим утрам, когда начнётся светский сезон. В столице мы, конечно, тоже собирались за общим столом, но там всегда появлялись дела, визиты, письма и люди, которым непременно требовалось увидеть герцога де Вальтера прежде, чем он успеет допить кофе. Розенхольм же принадлежал нам — не в смысле земельных документов и родового титула, а в том простом, важном значении, в каком дом принадлежит тем, кто наполняет его голосами.

Кристиан всё-таки добился разрешения использовать два накопителя для предварительного опыта. Остальные отец обещал выдать после проверки расчётов. Когда завтрак подходил к концу, брат посмотрел на меня с такой надеждой, словно я лично держала ключи от величайшего открытия века.

— Идём? — шепнул он.

Я отодвинула стул.

— Идём. Но если сегодня взорвётся хотя бы одна ваза, ты сам будешь объясняться с матушкой.

— Ничего не взорвётся.

— Ты так говоришь каждый раз.

Мы вышли из столовой вместе. Дамиан вслед пожелал нам приятной прогулки и добавил, что на всякий случай останется поблизости от лестницы, откуда открывается лучший вид на восточное крыло. Кристиан даже не обернулся, а я подумала, что день всё-таки обещает быть интереснее, чем предполагалось.

Глава 2. Третья петля

До лаборатории Кристиана можно было добраться двумя путями. Первый пролегал через центральную галерею, где портреты предков взирали на посетителей с выражением умеренного недовольства современностью. Второй — через зимний сад и узкий переход над внутренним двором. Я предпочитала второй: там пахло влажной землёй, цитрусовыми листьями и прохладной каменной кладкой, а между кадками с деревцами иногда можно было встретить матушку, которой удавалось выращивать редчайшие цветы с таким же спокойствием, с каким она решала придворные недоразумения.

Кристиан, разумеется, выбрал галерею.

— Ты специально идёшь мимо портрета прадеда? — спросила я.

— Нет. Здесь быстрее.

— На целых двенадцать шагов. Огромная экономия.

— Именно.

Мы миновали полотно, на котором герцог Этьен де Вальтер держал ладонь на рукояти церемониальной шпаги. Его лицо отличалось такой серьёзностью, будто художник застал прадеда в момент подсчёта семейных долгов. В детстве Дамиан уверял меня, что по ночам тот покидает раму и проверяет, не нарушены ли правила поведения. Я верила ровно до тех пор, пока не обнаружила, что загадочные следы на паркете оставлял сам Дамиан, натирая подошвы сажей.

— Ты не слушаешь, — сказал Кристиан.

— Напротив, я только что с исключительным вниманием рассмотрела нашего родственника.

— Я объясняю принцип матрицы.

— Крис, ты начал с середины. Попробуй сначала рассказать, для чего она вообще нужна.

Он сбавил шаг. Это было хорошим признаком: когда брат переставал торопиться, с ним можно было разговаривать как с человеком, а не как с одновременно открытыми тремя учебниками.

— Для небольших автономных защитных систем. Допустим, требуется удерживать охранный контур на складе, куда редко заходят маги. Обычные конструкции постепенно теряют напряжение. Можно поставить более ёмкий накопитель, но тогда цена возрастает в несколько раз. Я пытаюсь добиться устойчивости за счёт распределения энергии, а не её количества.

— Значит, третья петля должна возвращать излишек к центральному узлу?

— Да. И принимать часть потока, если один из внешних контуров ослабеет.

— По сути, подстраховывать остальные.

— Именно. Видишь, как просто?

— Когда ты объясняешь человеческими словами — удивительно просто.

Лаборатория занимала несколько помещений в восточном крыле, где раньше находились комнаты для дальних родственников. Те, вероятно, сочли бы такое превращение оскорблением памяти семьи, но мне всегда казалось, что помещение, в котором вместо унылой мебели появились исследовательские столы, стеллажи и окна с усиленной защитой, использовали гораздо разумнее.

На пороге нас встретил запах нагретого металла и чернил. Кристиан отпер шкаф с накопителями, пока я снимала тонкую накидку и устраивалась у большого рабочего стола. В центре на подставке лежала матрица размером с десертную тарелку: полупрозрачная пластина с впаянными серебряными нитями. На первый взгляд она напоминала замысловатое украшение,

которое забыли закончить, но стоило сосредоточиться — и я увидела второй рисунок, дрожащий над поверхностью.

Он был красив. Два широких контура образовывали вытянутые овалы, между ними тянулись связующие линии, а у самого края мерцала третья петля — более тонкая, почти прозрачная. Я наклонилась ближе. Она словно собиралась сомкнуться с центральным узлом, но не доходила до него какой-то едва уловимой доли.

— Крис, здесь зазор.

— Где?

Я описала его пальцем над поверхностью, не касаясь пластины.

— Между возвратной петлёй и опорным узлом. Не физический. Магический.

Брат придвинул увеличивающую линзу, настроил её, помолчал.

— На схеме связи достаточно. По расчёту поток должен перескакивать с минимальной потерей.

— Должен — не значит будет. Посмотри на угол.

Он осмотрел узел ещё раз.

— Если уменьшить угол, контуры начнут пересекаться.

— А если изменить не угол, а место привязки?

Кристиан выпрямился.

— Тогда потеряем симметрию.

— Ты уже говорил. Но защита склада, насколько мне известно, не обязана выглядеть симметрично ради эстетического удовольствия наблюдателей.

— Симметрия снижает нагрузку.

— Обычно. А здесь?

Мы спорили довольно долго. Кристиан снимал измерения, я наблюдала за полупрозрачным рисунком, после чего мы менялись местами. Он записывал числа, я пыталась найти слова для того, что видела. Далеко не всё поддавалось описанию: иногда магическая связь ощущалась скорее как направление движения, чем как линия, и стоило объяснить её вслух, как смысл становился досадно приблизительным.

— Представь, — сказала я наконец, — что ты пытаешься натянуть ткань на раму. Две стороны закреплены ровно, третью тянешь чуть в сторону. Край не порвётся, но образуется складка.

— Это не ткань.

— Да, Кристиан. Именно поэтому я говорю «представь».

Он задумался. Затем взял чистый лист и начал быстро чертить.

— Если перенести точку привязки сюда… Тогда распределение действительно изменится. Но потребуется проверить фазу потока.

— Проверим без включения полной нагрузки.

— Разумеется.

Я посмотрела на него с подозрением.

— Что значит «разумеется» в твоём исполнении?

— Катя, перестань.

Он работал почти час, а я тем временем разглядывала лежавшие поблизости старые конспекты. На некоторых страницах были сделаны пометки рукой нашего бывшего наставника по общей магической теории. В детстве мне казалось, что почерк наставника способен лишить человеческое терпение всякого смысла: каждая буква напоминала отдельное заклинание, которое забыли довести до конца. Теперь я невольно улыбнулась, вспомнив, как Кристиан однажды попытался подменить его записи собственными и получил наказание в виде двух дополнительных недель упражнений.

— Готово, — сообщил брат.

Он закрепил пластину, установил два небольших накопителя и включил контрольный светильник. По краям матрицы пробежало слабое сияние. Внешние петли расправились, наполняясь энергией, затем тонкие нити потянулись к центральному узлу.

— Пока хорошо, — пробормотала я.

— Пока прекрасно.

Третья петля вспыхнула ярче. Я прищурилась: изменённый узел работал, складка действительно исчезла. Однако одновременно на самом краю структуры возникло ещё одно движение, словно нить, которой там не должно было быть, едва коснулась поверхности и тотчас отпрянула.

— Выключай, — сказала я.

— Почему? Нагрузка только половинная.

— Кристиан, выключай.

Он услышал перемену в моём голосе и без спора потянулся к управляющей пластине. Но в ту же секунду третья петля раздвоилось — нет, не раздвоилось, а отразилось в чём-то невидимом. По воздуху прошёл сухой треск, контрольный светильник погас, а над столом с тихим хлопком возник круговорот серебристых искр.

Кристиан отключил питание. Я отступила на шаг, схватила ближайший защитный браслет и активировала его раньше, чем успела подумать о последствиях. Между нами и матрицей поднялась тонкая прозрачная стенка. Искры коснулись её, рассыпались и опустились на стол, не причинив никакого вреда.

Несколько мгновений мы молчали.

— Кажется, — осторожно произнёс Кристиан, — я недооценил остаточное напряжение.

Я посмотрела на стол, на погасшую пластину и на осевшую серебряную пыль.

— Кажется, матушка недооценит твоё объяснение ещё сильнее.

— Но ничего не повреждено.

— Ты совершенно уверен?

Как раз в этот момент потолочный светильник над дверью мелодично звякнул и окрасился сиреневым.

Кристиан медленно поднял голову.

— Почти уверен.

Дверь лаборатории открылась без стука. На пороге стоял Александр.

Старший брат посмотрел на нас, на дымящийся край контрольной пластины, на сиреневый светильник, после чего с выражением человека, предвидевшего всё происходящее ещё неделю назад, произнёс:

— Мне сообщили, что в восточном крыле сработала защита.

— Сработала превосходно, — ответила я прежде, чем Кристиан успел что-нибудь сказать.

— Рад слышать. Почему она сработала?

— Проверка эффективности.

Александр поднял бровь.

— Запланированная?

— В общих чертах, — отозвался Кристиан.

— Каких именно?

— Мы планировали, что она будет эффективной.

Некоторое время старший брат разглядывал нас с явным сомнением. Затем подошёл к столу и принялся осматривать матрицу. В отличие от Кристиана, Александр не был увлечённым исследователем. Его магический дар проявлялся в способности создавать исключительно устойчивые защитные структуры, и смотрел он на любую конструкцию прежде всего с вопросом, сможет ли она надёжно прослужить положенный срок.

— Контур уже отключён? — спросил он.

— Да, — ответил Кристиан.

— Покажи схему.

Мы переглянулись. Через четверть часа Александр задавал ровно те вопросы, которых брат меньше всего хотел слышать, но именно они позволили обнаружить вторую ошибку: накопитель отдавал энергию чуть быстрее, чем её успевал распределять третий контур. Не настолько, чтобы вызвать настоящую опасность, однако достаточно для срабатывания охраны.

— Исправить можно, — заключил Александр. — Но не сегодня. И не без проверенных расчётов.

— Разумеется, — согласился Кристиан.

— Я хочу видеть окончательную схему прежде, чем ты включишь питание снова.

— Хорошо.

— И, Катерина, — добавил брат, поворачиваясь ко мне, — когда Кристиан просит тебя прийти «всего на полчаса», постарайся хотя бы не позволять ему превращать половину лаборатории в праздничный фейерверк.

— Ты несправедлив. Я как раз предотвратила его распространение.

— Благороднейший поступок.

— Спасибо. Я рассчитываю, что его отметят в семейной летописи.

Александр вздохнул, но всё-таки улыбнулся.

После его ухода Кристиан принялся приводить стол в порядок, а я открыла окно, чтобы выпустить терпкий запах нагретой серебряной пыли. Сад простирался под нами тёплым зелёным морем. На дальней дорожке показались две фигурки: мать и Виктория направлялись к оранжерее, сопровождаемые садовником с большой плетёной корзиной.

— Ты видел, что возникло перед сбоем? — спросила я.

Кристиан остановился.

— Отражение петли?

— Не совсем. На мгновение появилась другая связь. Не из нашей схемы.

Он нахмурился.

— Остаточный след от старой защиты комнаты?

— Возможно. Но мне не показалось, что она принадлежит именно этой комнате.

Брат приблизился к окну и несколько секунд молчал рядом со мной.

— Можем проверить экранирование завтра, — предложил он. — Если в стенах остались старые контуры, они могли среагировать на нестандартное распределение энергии.

— А если не они?

— Тогда будем искать дальше.

В этом и заключалась одна из причин, по которым мне нравилось заниматься исследованиями с Кристианом. Он мог увлечься собственным открытием, забыть о времени и дважды перепутать стакан с водой и чернильницу, но никогда не говорил, будто непонятное явление следует считать невозможным только потому, что о нём не написали в учебнике.

Мы договорились вернуться к вопросу на следующий день. Затем он проводил меня до перехода, по дороге ещё раз уверив, что с матрицей всё в порядке, и исчез в кабинете за новыми расчётами. Я же свернула к зимнему саду, решив, что после столь насыщенного утра имею полное право на несколько минут тишины.

Тишины, разумеется, не получилось.

— Катерина! — окликнула мать, едва я появилась между высоких кадок. — Как хорошо, что ты здесь. Мы как раз обсуждали столичные приготовления.

Я остановилась у лимонного дерева и с тоской посмотрела на свободный выход, до которого оставалось не более десяти шагов.

— Неужели? А я так надеялась, что вы обсуждаете погоду.

— Погода нас полностью устраивает, — сказала Виктория. — В отличие от некоторых платьев.

— Значит, судьба всё-таки настигла меня.

Мать подошла ближе, поправила складку на моём рукаве и внимательно посмотрела на лицо.

— Ты опять была в лаборатории?

— Совершенно верно.

— Судя по выражению твоих глаз, занималась не чтением.

— Чтение тоже может быть опасным занятием, если выбирать книги Кристиана.

— Катенька.

— Мы проверяли матрицу. Александр уже всё осмотрел, ничего не повреждено.

— Я рада. Тогда ты можешь со спокойной совестью уделить время куда менее рискованному делу. В три часа к нам приедет портниха.

Я открыла рот, но Виктория подняла ладонь.

— Не спорь. Я обещала помочь тебе отбиться хотя бы от лишних кружев.

Это предложение действительно заслуживало внимания. В столичном сезоне существовало достаточно неприятностей, но необходимость спорить с портнихой о количестве оборок уверенно входила в первую десятку.

— Хорошо, — согласилась я. — Но если она снова скажет, что рукав обязан ограничивать движение руки, я потребую объяснить, как принято приветствовать гостей.

— Судя по тому, что ты успела устроить сегодня утром, — заметила мать, — тебе, возможно, действительно следует ограничить движение хотя бы одной руки.

Виктория рассмеялась, а я не стала уточнять, что матушка была куда лучше осведомлена о событиях в восточном крыле, чем пыталась показать. Мы прошли между рядами цветущих кустов, обсуждая оттенки тканей и предстоящие визиты. Разговор оказался на удивление приятным, пока мать не упомянула, что в столице нам предстоит посетить не только императорский приём, но и несколько частных вечеров с молодыми аристократами.

— Какая печальная новость, — сказала я.

— Ты не обязана выходить замуж за каждого, кто приглашает тебя на танец, — спокойно ответила мать.

— Я бы предпочла не начинать даже с танца.

— Именно поэтому у тебя будет возможность выбирать.

Она сказала это мягко, без нажима, и я вспомнила, что родители никогда не пытались устроить мою судьбу за моей спиной. Они могли спорить со мной о пустяках, требовать осторожности и временами смотреть на мои решения с явным сомнением, но право окончательного выбора оставляли за мной. Для дочери влиятельного герцога это было не таким уж обычным подарком.

К полудню жара усилилась. Мы вышли на террасу, где под полотняными навесами стояли лёгкие кресла. Из сада долетал негромкий стук садовых ножниц. Я почти успела забыть о серебряной нити над матрицей, когда Виктория спросила, не хочу ли я после обеда сопровождать её в деревню. Нужно было передать книги школе, а заодно узнать у управляющего, закончена ли починка моста через южный ручей.

Я согласилась с удовольствием. Поездка обещала оказаться приятнее примерки и гораздо полезнее бесконечных разговоров о столичных знакомствах. Только позже, возвращаясь к себе, я вспомнила, что третья петля в матрице исчезла не так, как должна была: она не погасла и не разорвалась. На одно короткое мгновение её словно подхватило другое, незнакомое плетение.

Я остановилась у окна галереи и посмотрела на сад. Солнце делало зелень почти прозрачной; над розовыми кустами кружили белые бабочки. В такой день всякая тревога казалась неуместной.

«Завтра разберёмся», — решила я.
И отправилась готовиться к поездке.

Глава 3. Дорога к южному мосту

После обеда Виктория появилась у дверей моей гостиной с двумя книгами под мышкой, лёгкой шляпкой в руке и таким решительным выражением, словно нам предстояло не доехать до деревенской школы, а возглавить дипломатическую миссию в недружественное государство.

— Готова? — спросила она.

— Почти. Пытаюсь вспомнить, кому обещала не возвращаться поздно.

— Твоей матери. При мне.

— Тогда врать бессмысленно.

Виктория положила книги на стол, пока я надевала перчатки. Из окна было видно, как к крыльцу подают небольшой открытый экипаж. Для коротких поездок по герцогству мы редко использовали тяжёлые дорожные кареты; хорошая погода позволяла обойтись лёгкой коляской, а при необходимости встроенный в ось артефакт смягчал толчки на неровной дороге.

— Александр не едет? — спросила я.

— Он хотел, но отец задержал его с управляющим. Кажется, обсуждают поставки камня для северного тракта.

— В таком случае мы оказываем мужу неоценимую услугу, избавляя его от необходимости проверять книги.

— Он проверил их ещё утром.

— Даже не сомневалась.

Мы спустились к крыльцу. Во дворе возились двое конюхов, у боковой лестницы садовник разговаривал с кухаркой, а на каменных перилах грелась старая рыжая кошка, которая считала себя полноправной хозяйкой замка. Она позволила мне почесать себя за ухом и немедленно отвернулась, словно оказанная милость её утомила.

На козлах сидел молодой кучер по имени Томас, сын одного из управляющих хозяйством. Виктория знала его с тех пор, как приехала в Розенхольм после свадьбы, и непременно спрашивала о его младшей сестре, у которой недавно обнаружился небольшой дар к целительству.

— Как Лина? — поинтересовалась она, устраиваясь рядом со мной.

— Хорошо, миледи. Госпожа лекарь велела больше заниматься общей теорией. Говорит, способности способности, а без знаний далеко не уедешь.

— Совершенно разумная женщина, — сказала я.

Томас обернулся с улыбкой.

— Лина сказала примерно то же самое, только другими словами.

Лошади тронулись, колёса мягко зашуршали по гравию. Мы миновали ворота, украшенные гербом де Вальтер — серебряным деревом с семью звёздами над кроной, — и выехали на широкую аллею. Старые каштаны смыкали ветви так высоко, что над дорогой образовывался зелёный свод. Между стволами мелькали поля, низкие каменные ограды, крыши фермерских домов.

Виктория сидела напротив солнца, прижимая ладонью поля шляпки, и рассказывала о книгах. Несколько лет назад она взялась помогать деревенской школе, где учились не только дети работников герцогства, но и ребята из соседних поселений. Поначалу речь шла о замене старых учебников, затем появились дополнительные занятия и небольшая библиотека. Александр поддерживал её начинания, хотя иногда тревожился, что супруга берёт на себя слишком много обязанностей.

— Он вообще считает, что я должна реже ездить одна, — заметила Виктория.

— Александр считает, что все люди должны реже ездить куда-либо, предварительно не представив ему маршрут в двух экземплярах.

— В трёх, — поправила она. — Один он оставит себе, второй отправит управляющему, третий потеряет и будет недоволен.

Мы засмеялись. Я посмотрела на неё с любопытством. Когда Виктория впервые появилась в нашем доме, мне было четырнадцать, и я совершенно не знала, как следует вести себя с женщиной, которая неожиданно стала женой старшего брата. Я опасалась, что новая родственница примется учить меня этикету, запрещать прогулки и требовать обращения исключительно по имени и отчеству. Вместо этого Виктория привезла мне книгу приключений, о которой я мечтала несколько месяцев, а на следующий день помогла скрыть от матери порванную во время верховой прогулки юбку. С тех пор мы прекрасно ладили.

— Кстати, — сказала она, — ты ведь не передумала насчёт столичных занятий?

— Каких именно? Портнихи успели записать меня сразу на несколько курсов послушания.

— Я о лекциях профессора Вейна. Кажется, в этом году он читает открытый цикл по истории защитных систем.

— Не передумала. Если останется время между визитами, обязательно схожу.

— Ты говоришь так, словно визиты устраивают специально, чтобы лишить тебя образования.

— Иногда мне действительно так кажется.

Мы проехали мимо пасеки. Пахло сухой травой и мёдом; на обочине росли жёлтые цветы, названия которых я упрямо забывала, хотя мать называла их каждое лето. Чуть дальше начался спуск к ручью. Здесь земля была влажнее, деревья стояли плотнее, и прохладный воздух из низины ощущался даже в разгар дня.

У южного моста нас встретил мастер-плотник, которого Виктория попросила подойти заранее. Половину старого настила уже заменили, новые перила ещё не были установлены, и над водой пахло свежей смолой.

— Работы закончим до конца недели, миледи, — заверил мастер. — Если погода не испортится.

— А защита? — спросила я, выходя из экипажа.

Он показал на два небольших каменных столба у начала моста. В каждом был закреплён охранный артефакт: простая конструкция, которая должна была предупреждать об опасной нагрузке на пролёт.

— Проверяли вчера. Оба работают.

Я подошла к ближайшему столбу. Артефакт выглядел новым, ещё без царапин, но над ним тянулось тонкое магическое плетение. Оно было куда проще лабораторной матрицы Кристиана: несколько связующих нитей, аккуратный опорный узел и распределительный контур. Я наклонилась, рассматривая светлый ободок возле крепления.

— Кто настраивал? — спросила я.

— Мастер из мастерской Рау, миледи. По поручению управляющего.

— Настроен хорошо. Только проверьте после завершения работ, не сдвинулся ли этот камень. Иначе крепление получит лишнюю нагрузку.

Мастер кивнул, не задавая вопросов. Работники герцогства давно привыкли, что младшая дочь хозяина может внезапно заинтересоваться охранным плетением двери, каретным амортизатором или магическим устройством колодца. В детстве это казалось всем милым увлечением. Потом я выросла, а привычка осталась.

Пока Виктория обсуждала сроки окончания работ, я перешла на берег ручья. Вода была неглубокой и прозрачной; между округлыми камнями шевелились длинные зелёные водоросли. На противоположном берегу стояла небольшая мельница. Её колесо вращалось медленно, и в тихом стуке было что-то удивительно успокаивающее.

Я вспомнила разговор в лаборатории. Третья петля, лишняя нить, неожиданное отражение. Как странно, что мне не давала покоя такая мелочь. У Кристиана бывали эксперименты и гораздо менее удачные, но обычно после них оставалось понятное объяснение, пусть даже неприятное для семейного бюджета.

— Катя! — позвала Виктория. — Поедем? Нас ждут в школе.

Я вернулась к экипажу. Пока Томас разворачивал лошадей, мастер показал Виктории ведомость расходов, и она внимательно сверила записанные суммы. Я слушала вполуха, любуясь тем, как солнечный свет проходит сквозь прозрачные листья ольхи. Ни одна лишняя нить больше не возникала перед глазами. Все видимые вокруг магические структуры вели себя совершенно обычно.

Деревня встретила нас запахом свежеиспечённого хлеба. У пекарни стояли люди с корзинами, за домами белели простыни, развешанные на верёвках, и несколько мальчишек гоняли деревянный обруч по дороге. Школьное здание находилось возле маленькой площади. На крыльце нас ожидала учительница госпожа Берта — женщина строгая с виду, но обладательница такого доброго смеха, что дети, по моим наблюдениям, немного злоупотребляли её терпением.

Мы передали книги, осмотрели новую классную комнату, выслушали рассказ о занятиях. Дети ещё не разошлись после дневного урока, поэтому Викторию немедленно окружили с вопросами, а мне показали рисунки небольших магических опытов. Один мальчик, краснея от смущения, протянул мне лист с изображением огненного круга.

— Я хочу поступить в столичную академию, миледи, — сказал он. — Только у меня дар маленький.

— Дар не заменит знаний, — ответила я, присаживаясь рядом, чтобы рассмотреть рисунок. — А хороший вопрос иногда полезнее большого запаса силы. Что ты хотел показать этим кругом?

Он оживился и начал рассказывать о своём опыте. Я слушала внимательно, задавала вопросы, а потом предложила ему изменить схему так, чтобы контур не расходовал энергию слишком быстро. Госпожа Берта наблюдала за нами из дверей с видом человека, который намеревался немедленно использовать новый интерес ученика в учебных целях.

Когда мы вышли на площадь, солнце уже стояло ниже. Виктория задержалась у лавки тканей, и я отправилась за ней, по пути купив у старой торговки два небольших медовых пирога. Один предназначался мне, второй — Виктории, хотя в глубине души я не исключала, что смогу найти обоим более близкое применение.

— Ты опять подкупаешь меня сладостями? — спросила невестка, увидев свёрток.

— Только если это поможет убедить Александра, что мы вернулись вовремя.

— Мы и так вернёмся вовремя.

— Значит, пирог достанется мне.

По дороге домой разговор стал ленивее. Мы обсуждали знакомых, предстоящее путешествие и то, сколько вещей неизменно берёт с собой мать, даже если отправляется всего на три дня. Виктория поделилась новостью: её младшая кузина, прежде мечтавшая о службе при дворе, неожиданно решила изучать целительство. Я рассказала о том, как Кристиан чуть не заставил сиреневым светом сиять всю лабораторию.

— Александр уже знает? — спросила она.

— Он участвовал в расследовании.

— Тогда мне стоит ожидать длинного рассказа о правилах безопасности за ужином.

— Не стоит. Я уже всё выслушала.

— Это никогда не мешало ему повторить самое важное.

Мы переглянулись и рассмеялись. Колёса размеренно шуршали по дорожной пыли, а впереди, над вершинами деревьев, уже появились две высокие башни Розенхольма.

Когда мы въехали в ворота, в окнах первого этажа зажёгся мягкий золотистый свет. Во дворе пахло прохладой и влажным камнем: садовники только что полили цветники. Томас остановил экипаж у крыльца, слуга принял наши вещи, и Виктория поспешила к себе переодеться перед ужином.

Я собиралась последовать её примеру, но у самой лестницы меня окликнул отец.

— Катенька, если не спешишь, зайди ко мне на несколько минут.

Он стоял возле двери кабинета без сюртука, в рубашке с закатанными рукавами, и выглядел усталым. На его столе, видневшемся из коридора, лежали раскрытые письма и несколько карт. Я знала, что отец редко приглашает меня к себе в рабочее время ради пустяков, но не заметила в его голосе тревоги.

— Конечно, папа. Что-нибудь случилось?

— Ничего такого, с чем нельзя разобраться до ужина. Просто хотел спросить, как прошла поездка, и кое-что тебе показать.

Я вошла следом за ним. В кабинете пахло бумагой, кожей переплётов и древесной смолой, которую отец привозил из северных лесов и держал в маленькой закрытой чаше возле окна. Вечерний свет золотил края книжных полок. Над столом медленно вращалась карта герцогства, на которой небольшие светящиеся точки обозначали основные магические источники.

Отец предложил мне кресло и налил воды из графина. Я рассказала о мосте, школе и разговоре с учеником, мечтавшим поступить в академию. Он слушал внимательно, время от времени задавая вопросы, а когда речь зашла о защитных артефактах, одобрительно кивнул.

— Хорошо, что ты проверила крепление. Я попрошу управляющего обратить на это внимание.

— Там ничего серьёзного. Просто после окончания работ лучше ещё раз убедиться, что камень стоит надёжно.

— Многие неприятности начинаются со слов «ничего серьёзного», — заметил отец.

— Я слышала эту мысль сегодня уже несколько раз.

Он улыбнулся, но затем развернул одну из карт так, чтобы она оказалась передо мной.

— А вот это мне показалось любопытным. Управляющий прислал сведения о двух охранных системах на восточной границе. Оба артефакта работают исправно, но за последний месяц потребление энергии у них немного выросло.

— Насколько?

— На несколько процентов. Возможно, причина в погоде или нагрузке. Однако вчера похожий отчёт пришёл с севера.

Я наклонилась над картой. Точки источников мерцали ровно, без заметных колебаний. Здесь была показана только общая схема, не позволявшая рассмотреть отдельные плетения, но расстояние между отмеченными участками меня удивило.

— Они же никак не связаны между собой.

— На первый взгляд — нет. Я попросил прислать уточнённые данные.

— Ты думаешь, кто-то изменил настройки?

— Пока ничего не думаю. Слишком мало сведений. Но Кристиан, кажется, вчера упоминал похожие наблюдения по некоторым старым защитным структурам. Я хотел спросить, не замечала ли ты чего-нибудь необычного.

Я вспомнила серебристую нить над лабораторной матрицей, но не спешила делать выводы. Маленький опыт Кристиана едва ли мог иметь отношение к артефактам на границе герцогства. Всё же я рассказала отцу о странном отражении петли — осторожно, признавая, что не уверена в собственном наблюдении.

Он не стал отмахиваться. Лишь попросил позже записать подробности и передать Кристиану, чтобы тот сопоставил их с расчётами.

— Я поговорю с ним завтра, — пообещала я.

— Благодарю. И ещё, Катенька…

Я подняла голову.

— Да?

— Когда мы приедем в столицу, ты можешь услышать разговоры о некоторых новых распоряжениях совета. Не придавай каждому слуху значение. Сейчас слишком много людей пытаются заранее обсуждать решения, которые ещё даже не приняты.

— Мне следует делать вид, будто я ничего не понимаю?

— Ни в коем случае. Просто помни, что не всякий собеседник ищет истину. Некоторые ищут подтверждение собственному мнению, а другие — слова, которые удобно будет повторить от чужого имени.

Я задумалась. Отец редко давал советы без причины, и этот показался мне важнее обычного предостережения перед светским сезоном.

— Ты беспокоишься из-за совета?

— Я беспокоюсь, когда люди начинают спорить о сложных вещах прежде, чем соберут достаточно фактов. Это, к сожалению, происходит при любом правлении.

Он произнёс последние слова с мягкой иронией, и я поняла, что дальнейших подробностей сегодня не получу. Вместо этого отец расспросил меня о предстоящих занятиях, предложил взять в дорогу несколько книг из его библиотеки и напомнил, что мать наверняка ждёт меня к ужину.

Выходя из кабинета, я заметила, что на краю стола лежит запечатанное письмо с гербом императорского совета. Печать была не нарушена; по-видимому, его принесли совсем недавно. Я не стала рассматривать его дольше необходимого. В семье де Вальтер уважали личную переписку, даже когда любопытство подсказывало обратное.

На лестнице я встретила Дамиана. Он спускался навстречу, небрежно вращая в пальцах небольшой металлический жетон императорской службы.

— Где пропадала? — спросил он. — Матушка уже отправила на поиски половину замка.

— Ездила с Викторией, потом разговаривала с отцом. А ты, судя по всему, опять собираешься исчезнуть перед семейным ужином?

— Не дождёшься. Я слишком хорошо знаю, что сегодня подадут яблочный пирог.

— Тогда отчего такой вид?

— Какой именно?

— Будто тебе только что сообщили, что придётся заниматься делом, за которое не платят двойное жалованье.

Дамиан на мгновение задержал жетон между пальцами. Затем привычно улыбнулся.

— Ты иногда бываешь слишком наблюдательна, сестрёнка.

— И что же случилось?

— Пока ничего интересного. Несколько служебных сообщений. Завтра утром отправлюсь к управляющему гарнизоном, а вечером, надеюсь, буду дома.

Он не выглядел обеспокоенным, но улыбка получилась чуть менее беспечной, чем обычно. Я хотела спросить ещё, однако Дамиан легко коснулся моего плеча и направился вниз, напоследок посоветовав не опаздывать к ужину: Александр якобы собирался произнести речь о правильном использовании лабораторного оборудования.

В своих комнатах я переоделась в тёмно-зелёное платье, распустила волосы и снова собрала их, на этот раз без особого усердия. За окнами сгущались сумерки. В дальнем крыле загорались огни, и по стеклу пробегали знакомые мягкие блики охранных контуров.

Я задержалась возле окна. За день произошло немало, но ничто из этого не казалось по-настоящему необычным: лабораторный опыт, поездка к мосту, разговор с отцом, странная служебная озабоченность Дамиана. Всё укладывалось в привычный порядок жизни большого

дома, где у каждого были свои дела и где семейные разговоры неизменно переплетались с делами герцогства.

И всё же я почему-то снова вспомнила третью петлю. Она возникла перед глазами так отчётливо, словно я по-прежнему стояла возле стола Кристиана: серебряное сияние, тонкий узел и краткое движение незнакомой связи.

В коридоре прозвучал негромкий звон — приглашение к ужину. Я отошла от окна, поправила манжету и направилась к двери.

До отъезда в столицу оставалось ещё несколько дней. Я собиралась провести их спокойно.

Это, как выяснилось впоследствии, было весьма самонадеянное намерение.

Глава 4. О письмах, пироге и прочих бедствиях

Когда я вошла в малую столовую, Дамиан уже держал в руках тарелку с яблочным пирогом. Не свою — пирог ещё даже не подали, — а пустую, которую он, судя по совершенно невинному выражению лица, собирался использовать для каких-то целей, не предусмотренных правилами приличного ужина.

— Ты опоздала, — сообщил он.

— Я пришла раньше отца.

— Отец имеет право опаздывать. Он герцог.

— А ты имеешь право присваивать чужую посуду? Ты кто, разбойник с большой дороги?

— Я человек, который знает: если надеяться на справедливость, Кристиан снова получит самый большой кусок.

— Только потому, что в прошлый раз ты отвлёк повара, — заметил Александр, не поднимая глаз от лежавшей перед ним записки.

Виктория, сидевшая рядом с мужем, осторожно отодвинула от него чернильницу.

— Если ты будешь читать служебные бумаги во время ужина, я распоряжусь подавать их вместо десерта.

Александр посмотрел на жену, затем на записку и без возражений сложил лист. На мой взгляд, это было красноречивее любого признания в любви. В обществе старший брат умел вести переговоры с самыми упрямыми чиновниками; дома же мудро признавал безусловное превосходство Виктории во всём, что касалось нормального человеческого питания.

Мать появилась из соседней гостиной, поправляя тонкую золотую цепочку у воротника платья. За ней следовала экономка, госпожа Розаль, с перечнем завтрашних распоряжений. Даже вечером наши сборы в столицу продолжали жить самостоятельной, весьма деятельной жизнью.

— Катерина, — сказала матушка, едва заметив меня, — я получила ответ госпожи Верен. Завтра она пришлёт образцы тканей. И, пожалуйста, не уверяй меня опять, что тебе достаточно двух дорожных платьев.

— Трёх, мама. Я говорила о трёх.

— Одно из них ты собиралась надеть в лабораторию.

— У него очень удобные рукава.

— Именно поэтому я и беспокоюсь.

Моя попытка возразить прервалась появлением отца. Он вошёл почти одновременно с Кристианом, только отец выглядел собранным, а брат — человеком, который по дороге сюда ещё мысленно проверял расчёты. Я заметила у него на манжете крохотное пятнышко графитовой пыли. Следовательно, сегодняшняя лекция Александра о бережном обращении с оборудованием, если таковая действительно планировалась, имела все основания начаться немедленно.

Но отец сперва спросил, как прошёл день у Виктории, а потом поинтересовался, не слишком ли устали мы после поездки к южному мосту. Я ответила, что устала ровно настолько, чтобы ужин показался весьма своевременным, и заняла своё место. Подали суп с пряными травами, свежий хлеб, запечённую рыбу и овощи из замковых теплиц. Разговор потёк привычно и свободно: мать обсуждала с Викторией предстоящие визиты, Дамиан жаловался на гарнизонного писаря, который умел потерять любой документ, даже приколотый к его собственному мундиру, Кристиан пытался объяснить Александру преимущества нового накопителя.

— Преимущество первое, — сказал Александр, — при его испытании не загорелась лаборатория.

— Она ни разу не загоралась, — возразил Кристиан.

— Только потому, что у нас хорошая пожарная защита.

— Это и есть доказательство качества магических решений.

Дамиан одобрительно поднял бокал с ягодным морсом.

— За научный подход. Он позволяет назвать любой уцелевший предмет успешным опытом.

Мы рассмеялись. Даже отец, обычно строго следивший за тем, чтобы обсуждение магии за столом не превращалось в спор до полуночи, позволил себе улыбнуться. Я поймала взгляд Кристиана, и тот тихо, так, чтобы слышала только я, спросил:

— Ты записала, что видела утром?

— Собиралась после ужина.

— Пока не забыла?

— Я помню третью петлю лучше, чем содержание твоего последнего письма.

— Я тебе не писал.

— Тем более.

Брат придвинул ко мне блюдо с овощами, словно взятка могла ускорить запись. Я решила не обижать его отказом.

После горячего блюда разговор неожиданно изменился. Отец сообщил, что завтра Александру придётся отправиться к восточным сторожевым участкам, а Дамиану — встретиться с командиром гарнизона. Разумеется, ни одно из этих поручений не было настолько необычным, чтобы насторожить всю семью. И всё же я заметила, как на несколько мгновений умолкла мать. Александр выпрямился; Виктория положила ладонь поверх его руки.

— Новые распоряжения? — спросила она.

— Пока только проверка, — ответил отец. — Наши люди сообщают об увеличении расхода энергии в старых системах. Возможно, понадобится замена накопителей.

— В таком случае, — заметил Кристиан, — я хотел бы получить сравнительные данные за три последних сезона. Иначе мы не поймём, с чем имеем дело.

— Попроси управляющего. Я уже предупредил его.

Я открыла рот, намереваясь рассказать о третьей петле, но отец опередил меня:

— Катерина сегодня обещала описать своё наблюдение. Вы двое могли бы завтра утром сопоставить записи, пока не начались сборы.

— Завтра утром у меня встреча с госпожой Верен, — напомнила я.

— Видишь? — торжественно произнёс Дамиан. — Наука повержена портновским искусством.

— Не повержена, а перенесена на более разумный час. Особенно если исследователи способны обходиться без меня до завтрака.

Кристиан нахмурился так, будто я предложила ему пересмотреть фундаментальные законы мироздания. Но спорить не стал: слуги внесли наконец пирог, и тема науки закономерно утратила значение для большей части присутствующих.

Когда ужин закончился, мы не сразу разошлись. Семья перебралась в западную гостиную — небольшую, с обитыми зелёным шёлком креслами, круглыми столиками и камином, который ещё не растапливали по-летнему тёплыми вечерами. Мать попросила экономку принести перечень багажа, Виктория устроилась у окна с вышиванием, отец сел за шахматную доску напротив Александра. Дамиан принялся давать обоим советы, которых никто не просил, и был изгнан к книжным шкафам после третьего такого замечания.

Я села возле Кристиана и достала из небольшого футляра лист тонкой бумаги для магических схем. Линию, увиденную утром, я помнила хорошо. Сначала нарисовала знакомые два замкнутых контура, затем осторожно вывела третий — не существовавший в матрице брата, но словно лежавший за её видимой поверхностью. Когда я закончила, Кристиан надолго притих.

— Это не отражение, — сказал он наконец.

— Я не утверждала, что отражение.

— Я утверждал. Теперь не уверен.

Он взял лист за края, повернул к свету. От настольной лампы по бумаге скользнула жёлтая полоса, но чернила остались совершенно обычными.

— Мне нужно проверить структуру креплений, — пробормотал брат. — И старые записи деда. Кажется, у него упоминалась похожая схема.

— Деда? — переспросила я. — Того самого, который считал любое заклинание после обеда опасным для пищеварения?

— Он говорил это о сложных плетениях, и, между прочим, не без оснований.

Я собиралась поинтересоваться, сколько ещё родственников собираются принимать участие в нашем исследовании посмертно, но Кристиан вдруг коснулся края бумаги пальцем и задумчиво сказал:

— Странная вещь. Если повернуть схему так, как ты её нарисовала, третий узел не замыкает первые два. Он оставляет место для чего-то ещё.

— Для чего?

— Вот это мне и хотелось бы знать.

В другой комнате негромко зазвенели часы. Отец объявил Александру шах, Дамиан с беззастенчивым удовольствием заметил, что предупреждал о такой возможности, и был вторично изгнан — теперь уже из непосредственной близости к доске. Наша бумага лежала между мной и Кристианом, словно маленькая дверца, пока ещё не имевшая ни ручки, ни замка. Я не могла объяснить, почему эта мысль пришла мне в голову, но она почему-то показалась неприятной.

Перед сном я вышла на открытую галерею. Сад внизу утонул в густой, ароматной темноте; далеко у ворот перекликались караульные, а над озером дрожало отражение неполной луны. На миг мне показалось, будто в линиях охранного купола снова мелькнул лишний серебристый штрих. Я напрягла зрение — и увидела только привычный ровный свет.

Наверное, Кристиан был прав: пора было выспаться. Слишком много магии за один день никогда не приносило пользы ни моим глазам, ни моему характеру.

Утро началось с того, что госпожа Верен прислала образцы тканей на час раньше обещанного.

Глава 5. Последние дни лета

Я встретила посыльного в передней с волосами, едва собранными в косу, и чашкой остывающего чая в руке. От аккуратно перевязанного свёртка пахло крахмалом и сухими лепестками лаванды; на шёлковой ленте красовалась печать столичного дома мод, которому госпожа Верен предпочитала доверять подбор красителей. Меня поразила скорее не её предусмотрительность, а тот факт, что она сумела организовать столь раннюю доставку в замок, стоявший в стороне от главной дороги.

— Леди Катерина, — осторожно произнесла встретившая меня горничная Нина, — герцогиня просила вас спуститься в голубую гостиную, когда будете готовы.

— В таком случае я официально не готова ещё как минимум четверть часа.

Нина с трудом скрыла улыбку. Она служила у нас четвёртый год и уже достаточно хорошо знала, что моё недовольство утренними примерками не распространяется на людей, вынужденных разносить распоряжения матушки.

— Я передам, что вы заканчиваете завтрак.

— Благодарю. И скажи, пожалуйста, Кристиану, что мои расчёты подождут до полудня.

— Он уже спрашивал о вас дважды.

— Значит, третий раз будет для него особенно поучительным.

Однако матушка обнаружилась не в голубой гостиной, а в галерее возле портретов предков. В одной руке она держала образец бледно-голубой ткани, в другой — письмо, и смотрела на меня так, словно предстояло одновременно разрешить государственный кризис и выбрать подходящую отделку рукава.

— Катерина, доброе утро. Ты уже завтракала?

— Если чай считается завтраком, то вполне.

— Не считается. Сначала поешь, потом придёшь к нам. Госпожа Верен подождёт.

Я едва не выразила искреннее восхищение подобной переменой обстоятельств, но вовремя заметила, что мать выглядит задумчивой. Она убрала письмо в карман платья, придержала меня за локоть и спросила:

— Как прошёл вчерашний вечер с Кристианом? Ты не слишком устала?

— Он придумал новую схему, я нарисовала то, чего в ней не было. Теперь оба пытаемся выяснить, кто из нас ошибся.

— Ты говоришь так, словно это шутка.

— Возможно, потому, что я надеюсь на безобидное объяснение.

Мать ненадолго задержала взгляд на моём лице. Потом ласково поправила воротник моего утреннего платья.

— Надеяться можно. Только не забывай проверять, насколько надежда соответствует фактам. Твой отец не зря вчера спрашивал об этих рисунках.

От подобных замечаний внутри меня всегда возникало знакомое ощущение: взрослой меня считали ровно до тех пор, пока речь не заходила о чём-то действительно важном. Я понимала причины материнской осторожности, но это ничуть не мешало обижаться на её молчание.

За завтраком я застала только Викторию. Она пила кофе и читала письмо от сестры, улыбаясь каким-то своим мыслям. Увидев меня, отложила лист и подвинула блюдо с ещё тёплыми булочками.

— Куда все исчезли? — спросила я.

— Александр уехал на восточный участок. Дамиан — к гарнизону. Кристиан отправился в библиотеку раньше рассвета, если верить госпоже Розаль. А твой отец принимает управляющего.

— Прекрасно. Одна часть семьи защищает границы, другая ищет ответы в пыльных книгах, и только нам с тобой доверили великое искусство выбора лент.

— Не будь несправедлива. Выбор лент — ответственная работа. Ошибку в управлении провинцией замечают не сразу, а неподходящий оттенок — ещё до начала бала.

Я рассмеялась. Виктория умела произносить подобные вещи с самым невозмутимым лицом, и именно за это я любила её не меньше, чем за готовность выслушивать мои жалобы на троих братьев.

— Ты получала новости от своей сестры? — кивнула я на письмо.

— Да. Она спрашивает, когда мы будем в Астерхольме. И сообщает, что госпожа де Лорен уже готовится к приёму, на котором собирается собрать половину столичных семейств.

— Значит, Эмилия снова будет жаловаться, что её мать приглашает слишком много людей, а потом сама же проведёт половину вечера, собирая новости.

— По-моему, вы обе собираете новости. Просто ты называешь это наблюдательностью.

Я сочла за благо заняться булочкой.

Через полчаса нас уже окружали ткани. Голубая гостиная превратилась в подобие ярмарки чрезвычайно дорогих облаков: кремовый шёлк свисал с подлокотника кресла, серо-голубой атлас расстилался по столу, изумрудная лента лежала поверх образцов кружев. Госпожа Верен, невысокая женщина с прямой осанкой и цепким взглядом, обсуждала с матушкой особенности предстоящих приёмов, а я старалась не выглядеть так, будто меня выставили на продажу вместе с рулонами парчи.

— Для торжественного вечера, леди Катерина, — сказала портниха, поднеся к моему лицу тёмно-синюю ткань, — я рекомендую этот оттенок. Он подчеркнёт ваши глаза и будет уместен при императорском дворе.

— А если я предпочту зелёный?

— Тогда мы найдём именно тот зелёный, который будет уместен при императорском дворе.

— Госпожа Верен, — сказала Виктория, — вы совершенно незаменимы.

Матушка улыбнулась. Мне осталось только признать поражение, хотя втайне я порадовалась, что никто не пытается навязать мне розовый шёлк с серебряными цветами. Подобные платья выглядели прекрасно, пока их носили другие девушки. На мне они неизменно создавали впечатление, будто меня попытались украсить к торжественному чаепитию, а я оказала неожиданное сопротивление.

Примерка затянулась. Когда мы наконец освободились, солнце поднялось высоко над башнями, а из парка потянуло тёплым ветром. Виктория отправилась отвечать на письма, матушка задержалась с портнихой, и я получила долгожданные полчаса в собственное распоряжение.

Разумеется, в это время меня нашёл Кристиан.

— Я проверил твой рисунок, — объявил он вместо приветствия.

— А я получила новое платье. Неужели у нас обоих удачный день?

— Я серьёзно, Катя.

По его лицу я поняла: шутки придётся отложить. Мы прошли в библиотеку, где он разложил на столе три схемы — свою вчерашнюю матрицу, мой рисунок и страницу старого семейного справочника. Бумага последнего пожелтела, чернила выцвели, но линии сохраняли исключительную чёткость.

— Это дедова копия трактата о замкнутых охранных контурах, — объяснил брат. — Посмотри сюда.

Он указал на небольшой знак возле нижнего края страницы. Впервые я увидела в нём что-то похожее на мою третью петлю. Не точное совпадение: у старинного знака было три

дополнительных ответвления, а окончания уходили за край чертежа, словно рисунок был частью более сложной схемы.

— Откуда эта копия?

— В реестре не указано. Только год приобретения и фамилия переписчика. Дед, судя по пометкам, считал трактат неполным.

— А ты?

— Я считаю, что он был прав. Здесь нет объяснения для двух переходов, но они определённо должны быть. И ещё кое-что.

Кристиан достал записку от управляющего. На тонком листе были выписаны показатели охранных систем по восточным границам. Разница в расходе энергии выглядела небольшой, однако на одном участке увеличение приходилось как раз на дни, когда изменялась нагрузка совсем другого, удалённого узла.

— Они не связаны напрямую, — проговорила я, возвращаясь мыслями к разговору с отцом.

— В современных схемах — нет. А в старых источниках встречается выражение «согласованные опоры». Я пока не нашёл, что именно под ним понимали.

— Думаешь, одна система может влиять на другую через расстояние?

— Не знаю. И именно это мне не нравится.

Брат умел признавать незнание без смущения, хотя и редко радовался ему. Я пододвинула трактат ближе, внимательно рассмотрела крохотные знаки и вдруг заметила, что один из них был не нарисован, а процарапан по высохшим чернилам позднее. Он отличался даже под обычным светом.

— Кристиан, здесь исправление.

Он придвинул увеличительное стекло. Мы долго изучали отметку, пока не убедились: кто-то убрал из схемы короткий соединительный штрих и закрасил место столь тщательно, что различить вмешательство было почти невозможно.

— Может быть, переписчик исправлял ошибку, — предположила я.

— Может. Но тогда почему не оставил пояснения?

— Потому что, в отличие от тебя, рассчитывал, что когда-нибудь уснёт раньше полуночи.

Кристиан не отреагировал. Он уже потянулся к другому справочнику, а я, воспользовавшись моментом, открыла окно. Из сада пахнуло листвой, влажной землёй и терпкой сладостью поздних цветов. Там, за библиотечными стенами, жизнь шла своим чередом: садовники подрезали кусты, конюх вёл по дорожке гнедую кобылу, из хозяйственного крыла доносился негромкий смех.

Мне вдруг захотелось просто выйти на воздух, пройтись вдоль озера, поговорить с Викторией о чём-нибудь совершенно не имеющем отношения к магическим петлям. Но я осталась. Кристиан впервые за долгое время выглядел не увлечённым новой задачей, а по-настоящему встревоженным. А тревога моего младшего из старших братьев редко возникала без причины.

К обеду вернулся Дамиан. Мы встретили его в холле, когда он снимал дорожный плащ и пытался одновременно отвечать на вопросы управляющего. Тёмные волосы брата растрепались от ветра, сапоги покрыла дорожная пыль, зато привычная насмешливая улыбка оставалась на месте.

— Кто-нибудь желает узнать, как прошёл мой день? — осведомился он.

— Ты жив и не арестован, — сказала я. — Уже неплохо.

— Весьма низкая планка семейных ожиданий.

— Зато удобная.

Он улыбнулся, но, заметив бумагу в руке Кристиана, спросил уже серьёзнее:

— Это отчёты об охранных узлах?

— Часть. Ты слышал что-нибудь новое?

— Обычная проверка. Несколько старых накопителей расходуют энергию быстрее, чем положено. Гарнизон хочет получить артефакторов до начала осенних дождей. Никаких признаков внешнего вмешательства пока нет.

— Ты сказал «пока», — заметила я.

— Потому что знаком с привычками наших отчётов. В них нельзя уверенно утверждать даже, что сегодня среда, пока соответствующий писарь не заверит календарь печатью.

Я решила, что брат снова шутит. Но он задержался рядом с Кристианом дольше обычного и попросил прислать ему копию схемы. Позже, когда мы остались одни, Дамиан неожиданно спросил, не возникало ли у меня неприятных ощущений при работе с необычными узлами. Я ответила, что только усталость в глазах, и он словно бы успокоился.

Вечером вернулся Александр. Проверка восточных участков заняла больше времени, чем ожидалось, и за ужином он говорил мало, зато внимательно слушал разговоры остальных. После десерта отец попросил его задержаться, а меня матушка увела в маленькую гостиную разбирать последние приглашения. Лишь поздно ночью, проходя мимо кабинета, я увидела свет под дверью и услышала знакомые голоса: отец и два старших брата всё ещё обсуждали какие-то цифры.

Следующие два дня прошли в хлопотах. Портные заканчивали работу, слуги укладывали багаж, управляющий приносил отцу документы для подписи. Я успевала заниматься с Кристианом, помогала матери сверять список вещей и однажды провела целый час в библиотеке с Викторией, разбирая приглашения, которых в столице нам предстояло получить ещё больше. Казалось, само слово «сезон» обладало способностью размножать письма на письменном столе.

В последний вечер перед отъездом семья собралась у озера. Тёплая погода держалась упрямо, как будто лето не желало уступать место осени. На террасе накрыли чай; матушка принесла тонкую шаль, которую так и не надела, отец рассказывал Виктории о старом мосте в западной части герцогства, а братья спорили, кто в детстве первым придумал построить плот из садовых скамеек.

— Это был Кристиан, — решительно сказал Александр.

— Я тогда едва умел читать!

— Но уже умел объяснять, почему всё должно плавать.

— Плот, между прочим, плавал, — заметил Дамиан.

— До середины пруда, — сказала я.

— Результат всё равно лучше, чем у твоей попытки приручить лебедя.

— Он сам подошёл ко мне.

— А потом преследовал тебя до самой оранжереи.

Мы засмеялись. Я смотрела на знакомые лица в мягком вечернем свете и думала, что такие минуты обычно не запоминаются целиком. В памяти остаётся чей-нибудь голос, странная шутка, положение рук на столе, запах воды или едва ощутимое движение ветра. Тогда мне и в голову не приходило, как часто я стану мысленно возвращаться к этому вечеру.

Когда разговор перешёл на давно минувшие шалости, Дамиан вдруг напомнил о нашем детском договоре. Оказалось, он до сих пор хранит кусочек синей ленты, которой мы перевязали лист с обещанием никогда не бросать друг друга в беде.

— Ты его сохранил? — удивилась я.

— Разумеется. Там имеется твоё письменное признание, что при необходимости ты будешь защищать мою честь.

— Там написано, что я не оставлю тебя одного, если тебя несправедливо обвинят.

— Что практически одно и то же.

— Особенно если обвинения справедливы, — добавил Александр.

Кристиан задумчиво посмотрел на нас.

— А где сам лист?

— В старом ящике с детскими вещами, — ответила матушка. — Я велела сохранить. После того как вы четверо едва не передрались из-за формулировок, выбрасывать документ было бы преступлением.

Дамиан приложил руку к сердцу, изображая глубокую признательность. Я же почувствовала тихую нежность к этому нелепому договору. Мы составляли его в детской комнате, сидя на ковре и споря о том, можно ли считать бедой испорченную причёску перед визитом гостей. Александр, которому тогда было четырнадцать, настоял на ясных правилах; Дамиан предложил дописать право на немедленную помощь в случае обнаружения последнего пирожного; Кристиан исправил несколько слов, потому что ему не понравилась логика фразы. Мне было девять, и я считала сам факт существования общего договора величайшим достижением нашей семьи.

Позднее, уже у дверей замка, отец задержал меня на несколько шагов позади остальных.

— Катенька, ты довольна тем, что едешь с нами?

— Разве я выгляжу недовольной?

— Ты выглядишь задумчивой. Для тебя это не совсем одно и то же.

Я честно призналась, что рада встретить друзей, увидеть столицу и одновременно немного тревожусь из-за странностей с магическими контурами. Отец выслушал меня без раздражения.

— Мы разберёмся, — сказал он. — И тебе не нужно принимать на себя ответственность за каждую непонятную вещь, которую ты заметила.

— Я и не собиралась.

— Прекрасно. Тогда завтра наслаждайся дорогой. У нас будет достаточно дел после прибытия.

Он поцеловал меня в лоб и направился вслед за матерью. А я ещё немного постояла у дверей, глядя, как последние солнечные полосы уходят с каменных ступеней.

Перед сном я положила в дорожную сумку мой рисунок третьей петли. Не потому, что собиралась заниматься им в экипаже; просто мне не хотелось оставлять лист в библиотеке без присмотра, пока нас не будет. Потом вспомнила замечание отца, улыбнулась собственному упрямству и погасила свет.

Утром нам предстояло покинуть Розенхольм.

Глава 6. За воротами Розенхольма

К отъезду наша семья готовилась с таким усердием, словно речь шла не о нескольких неделях столичной жизни, а о переселении целого герцогства. Во дворе, куда я вышла сразу после завтрака, стояли два пассажирских экипажа и грузовая карета с укреплёнными магическими подвесками. Слуги сверяли сундуки с длинным списком, кучера проверяли упряжь, а госпожа Розаль распоряжалась происходящим с решительностью полководца, которому доверили последнюю оборону государства.

— Леди Катерина, ваша дорожная сумка уже уложена? — спросила она, завидев меня у ступеней.

— Да. Если Кристиан не успел незаметно положить туда половину библиотеки.

— Его светлость Кристиан распорядился погрузить отдельный сундук с книгами.

— Я могла бы догадаться.

Рядом с грузовой каретой как раз появился сам брат, держа в руках небольшой металлический футляр. Я узнала контейнер для чувствительных магических приборов и тут же почувствовала подозрение.

— Что внутри?

— Измеритель остаточных колебаний.

— И сколько он весит?

— Меньше трёх фунтов.

— Сколько таких измерителей ты взял?

Кристиан отвёл взгляд.

— Несколько.

— Прекрасно. Если по дороге у нас закончится место для людей, посадим тебя верхом на собственные приборы.

— Они хрупкие.

— Тогда тебе следует ехать очень осторожно.

Мать, спускавшаяся следом за мной, услышала последние слова и с подозрением посмотрела на футляр. Кристиан немедленно принялся объяснять, почему без прибора ему нельзя начинать столичные исследования, и я воспользовалась редкой возможностью уклониться от участия в споре. У конюшен меня окликнул Дамиан. Он стоял рядом со своим конём, гладил его по шее и выглядел человеком, который предпочёл бы провести следующие несколько часов в седле, а не в экипаже.

— Не передумала ехать? — спросил он.

— А у меня есть выбор?

— Всегда есть выбор. Например, можно объявить, что тебя срочно призвали на помощь научному сообществу, и остаться с Кристианом.

— Ты пытаешься избавиться от меня?

— Напротив. Предлагаю тебе прекрасную возможность избежать матушкиных расспросов о том, почему ты до сих пор не назначила визит трём потенциальным поклонникам.

— У меня нет трёх потенциальных поклонников.

— У матушки есть список. Разница несущественная.

Он едва заметно улыбнулся, но затем подошёл ближе и понизил голос:

— Если в дороге снова заметишь странности в защитных артефактах, расскажи мне. Не нужно ничего проверять самостоятельно.

— Ты говоришь точь-в-точь как отец.

— Ужасная участь. Надеюсь, временная.

— Дамиан, что произошло в гарнизоне?

Он помедлил. Взгляд брата скользнул к кучеру, возившемуся с упряжью, и вернулся ко мне.

— Пока ничего, что можно было бы уверенно назвать происшествием. Но старые магические сети ведут себя странно. Поэтому лучше не делать поспешных выводов и не пробовать их на прочность.

— Кристиан уже сравнивает отчёты.

— Знаю. Он вчера прислал мне лист на трёх страницах. До сих пор не уверен, был ли это отчёт или угроза моей грамотности.

Я не удержалась от смеха. Дамиан поправил ремешок моего дорожного плаща и, удовлетворившись осмотром, направился к отцу. Вскоре все заняли места. Александр с Викторией ехали в одном экипаже, родители — в другом; мне предстояло часть дороги провести вместе с Кристианом и Дамианом, а позднее пересесть к матушке. Такое распределение казалось разумным ровно до того момента, пока выяснилось, что младший из братьев намерен использовать поездку для проверки схем.

— На дороге трясёт, — напомнила я, устраиваясь на сиденье.

— Подвески хорошие.

— Я говорю о себе, а не о накопителях.

Дамиан, сидевший напротив, закрыл лицо ладонью, чтобы скрыть улыбку. Экипаж мягко тронулся. Мы миновали каменные ворота Розенхольма, и знакомая аллея начала медленно отступать назад. Сквозь открытое окно тянуло свежей травой, ещё прохладной после ночи. Я смотрела на верхушки деревьев, на низкую башню западного крыла и на освещённые солнцем стены замка, пока их не скрыла дорога.

Дальше путь шёл между полями, небольшими рощами и аккуратными деревнями. В первые часы разговор был преимущественно пустяковым: Дамиан рассказывал истории о сослуживцах, которые при всей своей невероятности выглядели подозрительно правдоподобно, Кристиан от времени до времени задавал вопросы о магических накопителях, а я старалась не участвовать в дискуссии о том, какой материал лучше выдерживает перепады температуры. Однако за очередным поворотом дороги мы обогнали почтовый экипаж, у которого остановились дорожные фонари: магические кристаллы на его бортах светились неровно, хотя утро было ясным и необходимости в освещении не возникало.

— Смотри, — сказала я Кристиану.

Он сразу повернулся к окну. Наш кучер замедлил ход, чтобы дать дорогу почтовым лошадям, и на несколько мгновений я успела рассмотреть внешний контур артефакта. Плетение выглядело целым, но вдоль одного соединения дрожала тончайшая бледная полоса.

— Видишь? — тихо спросила я.

— Расход неравномерный, — ответил брат. — Может быть, изношенный накопитель.

— А линия, которая словно продолжается за узлом?

Он всмотрелся, но экипажи уже разъехались.

— Нет. Я ничего такого не заметил.

Дамиан выглянул наружу, оценил состояние почтового транспорта и сказал, что артефакторская мастерская в ближайшем городке наверняка приведёт фонари в порядок. Он не стал превращать случайное наблюдение в чрезвычайное происшествие. И всё же я видела, как он сделал короткую пометку в маленькой записной книжке.

— Ты всегда носишь её с собой? — поинтересовалась я.

— С тех пор как познакомился с людьми, уверенными, что их память совершенна.

— Говорит человек, который однажды забыл собственный плащ в трактире.

— Плащ я не забыл. Я предоставил ему возможность познакомиться с местной жизнью.

Кристиан наконец отложил схемы. Несколько минут мы ехали молча, наблюдая, как над полями медленно движутся облачные тени. Дорога была ровной, экипаж качало едва заметно.

Я достала небольшой томик путевых очерков, но прочла всего две страницы: брат внезапно спросил, как выглядела серебристая линия возле почтового артефакта, и нам пришлось снова вернуться к вчерашним рисункам.

В полдень мы остановились у постоялого двора в небольшом городке Гринфельде. Место было мне знакомо: семья нередко останавливалась здесь по пути в столицу, и хозяин неизменно встречал нас с выражением человека, которому судьба поручила накормить сразу целый полк. Во дворе пахло хлебом, конским сеном и жареным луком. Над входом качалась выцветшая вывеска с нарисованным серебряным оленем.

Матушка прежде всего потребовала, чтобы мы нормально пообедали, и только после этого разрешила Дамиану отправиться за свежими сведениями к местному дорожному смотрителю. Александр с отцом обсуждали у окна какие-то хозяйственные вопросы; Виктория расспрашивала хозяйку о маленькой ярмарке, проходившей в городе; Кристиан пытался выяснить устройство установленной в обеденном зале системы охлаждения воздуха.

— Оставь её в покое, — попросила я, когда он в третий раз посмотрел на потолок.

— Я ничего не делаю.

— Ты смотришь так, будто собираешься её разобрать.

— В сущности, я лишь изучаю пропорции корпуса.

— Прекрасно. Изучай на расстоянии.

Виктория предложила мне прогуляться с ней по площади после обеда. Мы вышли из прохладного зала в солнечный полдень, прошли вдоль невысоких домов с цветочными ящиками и остановились возле лавки, где продавали ароматное мыло, ленты и небольшие изделия местных мастеров. Гринфельд не мог соперничать со столичными торговыми рядами, зато здесь было приятно просто идти, никуда не спеша, и слушать, как продавцы приветствуют знакомых.

— Ты задумчивая, — заметила Виктория, пока мы рассматривали резные деревянные заколки.

— Меня сегодня уже второй раз обвиняют в этом преступлении.

— Значит, я не первая, кто заметил.

Я рассказала ей о дороге и почтовом артефакте. Виктория слушала внимательно, не перебивая. Она не была магом-исследователем, но обладала редким умением задавать именно те вопросы, которые заставляли меня заново обдумывать собственные выводы.

— Ты уверена, что видела то же самое, что вчера у Кристиана?

— Не совсем. Похожую линию, но короче. И она исчезла, как только мы отъехали.

— Тогда пока это два наблюдения, а не доказательство общей причины.

— Ты разговариваешь как Александр.

— Мы женаты. Иногда его благоразумие становится заразительным.

Она улыбнулась и, прежде чем я успела возразить, купила две заколки с тонкой серебряной инкрустацией. Одну протянула мне.

— На память о дороге. И о том, что не всякое необъяснённое явление нужно разгадать в тот же день.

Я поблагодарила её. Позже, когда мы возвращались к постоялому двору, я увидела Дамиана возле дверей конторы смотрителя. Он говорил с пожилым мужчиной в дорожном мундире, и лицо брата снова было непривычно серьёзным. Однако, заметив нас, он сразу улыбнулся и сообщил, что задержал нас ровно настолько, чтобы у лошадей появилась возможность немного отдохнуть.

После Гринфельда дорога постепенно изменилась. Поля уступали место холмам, по обочинам чаще встречались каменные столбы с магическими метками, а на горизонте начали проступать очертания дальних башен. Чем ближе мы подъезжали к столице, тем оживлённее становилось движение: нас обгоняли торговые фургоны, встречались курьерские кареты, небольшие группы всадников и пёстрые экипажи путешественников.

Во второй половине дня я пересела к матушке и отцу. Мать расспрашивала меня о планах на первые столичные дни, а отец то и дело заглядывал в папку с письмами. Впрочем, когда я спросила, не слишком ли много у него работы, он закрыл папку и предложил мне выбрать маршрут прогулки на завтра, если погода позволит.

— Мне хотелось бы увидеть старую набережную, — сказала я. — Там открыли новые цветочные террасы.

— Хорошая мысль. Только не обещаю, что смогу сопровождать вас. Совет назначил предварительное заседание сразу после нашего приезда.

— То самое, о котором ты говорил?

— Одно из нескольких. Я расскажу подробнее, когда решения перестанут быть предметом догадок.

Матушка посмотрела на него поверх дорожного веера. Не осуждающе, скорее понимающе. Я не стала продолжать расспросы. Мне самой не нравилось, когда братья требовали объяснений лишь потому, что считали меня недостаточно осторожной; было бы несправедливо поступать так же с отцом.

Под вечер мы достигли широкой имперской дороги, ведущей прямо к Астерхольму. На её каменных опорах мерцали сигнальные кристаллы. Вдалеке, за низкими холмами, уже виднелось светлое сияние города. Я подвинулась к окну, стараясь разглядеть знакомые купола и башни. Лёгкая усталость пути вдруг уступила место радостному нетерпению. Столица означала встречи с друзьями, музыку, прогулки, новые книги и те разговоры, которые никогда не удавалось вести в письмах с той же свободой.

А ещё — предстоящий императорский приём, о котором в нашей семье говорили уже несколько недель.

Мы проехали последнюю заставу незадолго до заката. За воротами открылись широкие улицы, и шум города мягко накрыл экипаж: колёса стучали по мостовой, звенели торговые колокольчики, у остановки спорили извозчики, а по фасадам домов ползли первые полосы магического света. Я поймала своё отражение в оконном стекле и заметила, что улыбаюсь.

В самом деле, что могло случиться плохого с человеком, который собирался провести несколько приятных недель в столице и наконец перестать думать о загадочных петлях?

Ответа на этот вопрос я пока не знала. Зато уже через четверть часа выяснила, что столичный особняк де Вальтер встретит нас с совершенно иной заботой: кто-то из слуг перепутал сундуки, и мой дорожный плащ отправился в комнаты Дамиана.

Глава 7. Столичные хлопоты

— Если ты не собираешься носить мой плащ, верни его немедленно, — потребовала я, остановившись на пороге братниной комнаты.

Дамиан сидел в кресле перед камином, разглядывал разложенные на столике письма и выглядел человеком, которого не способна смутить даже внезапная осада собственного жилища.

— Я бы с удовольствием, — ответил он. — Однако боюсь, что цвет не соответствует моим достоинствам.

— Дамиан.

— Он висит в гардеробной. Госпожа Розаль уже прислала человека, но я хотел лично удостовериться, что мои вещи не переселились к тебе.

Я обнаружила плащ на плечиках рядом с его мундирами и вынесла с видом победительницы, которой слишком дорого досталась незначительная крепость. Дамиан последовал за мной в коридор и, понизив голос, спросил, не хочу ли я завтра присоединиться к нему на короткой прогулке по столице. Я с подозрением посмотрела на брата: подобные предложения от него редко означали простую прогулку.

— Что именно ты хочешь мне показать?

— Город. Дома. Людей. В некоторых местах даже деревья.

— И кого-нибудь из знакомых, с кем ты обещал меня познакомить?

— Не исключено. Но прежде, чем ты начнёшь строить обвинения, сообщаю: речь идёт о моём старом сослуживце, у которого интересная коллекция исторических карт.

— Вот теперь звучит ещё подозрительнее.

— Я передам ему твои комплименты.

Он ушёл, оставив меня посреди коридора с плащом в руках и неприятным ощущением, что пропустила важную подробность. С другой стороны, Дамиан умел превращать в тайну даже меню завтрашнего обеда, так что я решила пока не придавать его словам значения.

Столичный дом де Вальтер был меньше Розенхольма, но гораздо шумнее. С улицы долетал грохот колёс, в холле непрерывно появлялись посыльные, а в гостиной уже ждали свежие цветы от знакомого флориста. Моим комнатам отвели южную сторону второго этажа: спальню, небольшую гостиную и узкий кабинет, окна которого выходили в сад, окружённый высокими каменными стенами. Здесь было приятно находиться в любое время года. Осенью в саду золотились клены, а летом, когда мы приезжали в столицу, по стенам поднимались густые побеги белых роз.

Я успела переодеться и распаковать книги, прежде чем матушка пригласила всех к позднему чаю. Семья расположилась в светлой гостиной, где высокие окна выходили на террасу. Александр уже получил несколько писем от столичных чиновников; Виктория разглядывала календарь предстоящих визитов. Кристиан говорил с нашим домашним артефактором о настройке рабочей комнаты. Дамиан, каким-то образом успевший переодеться быстрее всех, устроился у подноса с печеньем.

— Завтра утром, — объявила матушка, — я хотела бы, чтобы мы спокойно позавтракали. После этого каждому найдётся занятие. Катерина, Виктория и я отправимся к госпоже Верен, если она успеет закончить платья. Днём у нас визит к графине де Лорен.

— Эмилия будет дома? — спросила я.

— Полагаю, да. Её мать специально просила передать, что дочь очень ждёт тебя.

От этой новости настроение моё заметно улучшилось. С Эмилией мы были знакомы несколько лет: сначала переписывались благодаря общим урокам истории и языков, потом начали встречаться во время столичных сезонов. Она была из тех людей, рядом с которыми

самые скучные придворные разговоры превращались в занимательную задачу, а любое светское происшествие немедленно обрастало множеством версий. При этом Эмилия редко распространяла слухи бездумно: воспитание в дипломатической семье приучило её отличать безобидные разговоры от слов, способных причинить неприятности.

После чая я вышла на террасу. Небо над городом ещё хранило розоватый свет заката, но в глубине сада уже загорались магические фонари. Их ровное сияние падало на гравий дорожек, на бронзовый бортик фонтана и на тёмные листья кустов. Я невольно посмотрела на ближайший охранный узел: тонкие линии плетения шли по привычному рисунку, без посторонних ответвлений. Ничего необычного. Даже немного обидно, если признаться, ведь последние дни приучили меня искать скрытые структуры повсюду.

— Ты снова занимаешься работой Кристиана? — услышала я голос Виктории.

Она вышла из гостиной и остановилась рядом.

— Я просто смотрю на фонарь.

— Удивительно пристально для человека, который просто смотрит на фонарь.

— Он хотя бы не задаёт вопросов.

— Зато не отвечает. У каждого свои недостатки.

Мы немного постояли в тишине. Из соседнего дома доносились звуки фортепиано; кто-то старательно разучивал одну и ту же музыкальную фразу, спотыкаясь на последних нотах. Виктория рассказала, что Александр завтра занят почти до вечера, но обещал присоединиться к нам за ужином. Затем спросила, хочу ли я навестить Эмилию до официального визита. Я призналась, что очень хочу, и она предложила с утра отправить короткую записку.

— Только не описывай в ней все события последних дней, — посоветовала Виктория. — Иначе вам завтра нечего будет обсуждать.

— Ты плохо знаешь Эмилию. Даже если я напишу ей летопись нашего рода с основания империи, она отыщет ещё дюжину тем.

— В таком случае береги чернила.

На следующее утро дом проснулся раньше нас. Уже за завтраком выяснилось, что отец уехал на заседание совета, Александр отправился по делам управления, Дамиан получил срочное сообщение из столичного гарнизона. Кристиан, разумеется, задержался за столом лишь потому, что ждал ответ из академии о возможности посетить лаборатории ещё до начала учебного сезона.

— А ты? — спросила меня матушка. — Надеюсь, не собираешься провести весь день в библиотеке?

— Разумеется, нет. Я собираюсь провести часть дня в карете, часть — у портнихи, а оставшееся время — выслушивая замечания о том, что надо чаще появляться в обществе.

— Значит, ты прекрасно понимаешь расписание, — заключила мать.

Виктория спрятала улыбку за чашкой.

Мы действительно провели утро у госпожи Верен. Столичный салон встретил нас запахом свежих тканей, негромким звоном стеклянных подвесок и целой армией помощниц, вооружённых булавками. Здесь даже воздух, казалось, был пропитан уверенностью в важности правильной складки на юбке. Матушка обсуждала с портнихой отделку платья для императорского торжества, Виктория примеряла тёмно-сливовый наряд с тонкой вышивкой, а мне наконец удалось убедить всех, что рукава нового платья должны позволять свободно двигаться.

— Леди Катерина, — заметила госпожа Верен, аккуратно подбирая ткань у плеча, — я вовсе не намерена препятствовать вашим движениям.

— Тогда мы достигли взаимопонимания.

— Я лишь предлагаю, чтобы при движении вы не выглядели так, словно готовитесь к дуэли.

— Обещаю, что в случае дуэли переоденусь.

Госпожа Верен вздохнула, матушка сделала вид, что ничего не услышала, а Виктория не выдержала и тихо рассмеялась. В таком расположении духа мы и отправились к де Лоренам.

Особняк графа стоял на широкой улице неподалёку от восточного сада дворцового квартала. Его фасад украшали лепные гирлянды, а в гостиной неизменно пахло цветами и крепким чаем. Графиня де Лорен встретила матушку с такой радостью, словно они расстались не весной, а по меньшей мере десять лет назад. Эмилия появилась почти сразу: высокая, светловолосая, с живыми серо-зелёными глазами и привычным выражением человека, которому уже известна половина чужих секретов.

— Катерина! — воскликнула она, едва мы оказались наедине. — Наконец-то. Ты даже не представляешь, сколько всего произошло за время твоего отсутствия.

— Судя по тону, столица чудом уцелела.

— Пока да. Но не благодаря благоразумию её жителей.

Мы уселись на диван возле высокого окна. Слуга принёс чай и маленькие пирожные с ягодным кремом. Эмилия начала с рассказа о неудавшейся помолвке своей дальней родственницы, затем перешла к новостям академии, а закончила обстоятельным объяснением, почему предстоящий императорский приём обещает оказаться необычнее прежних.

— Говорят, — понизила она голос, — совет собирается пересматривать правила содержания магических источников. Отец уже неделю почти не бывает дома.

— Мой тоже занят заседаниями. Но он говорит, что решений пока нет.

— Возможно. Только если о решениях начинают говорить даже за чайными столиками, значит, кому-то очень хочется заранее подготовить общественное мнение.

Я вспомнила слова отца о людях, которым важнее чужие заявления, чем истина. Эмилия посмотрела на меня внимательнее.

— Ты что-то слышала?

— Только общие разговоры. И несколько странных наблюдений дома, которые пока ничего не доказывают.

— Прекрасно. Значит, у нас появилась тема ещё на один визит.

Я улыбнулась. Мы продолжали разговаривать почти час — об академических знакомых, нарядах, предстоящих праздниках и нашем общем преподавателе истории, который был уверен, что любой спор можно разрешить длинной цитатой из летописи. Эмилия предложила встретиться через два дня на небольшом приёме у маркизы Вельтен. Я согласилась не сразу: матушка пока не успела распределить все визиты, но перспектива провести вечер с подругой мне нравилась.

Когда пришло время возвращаться, графиня пригласила нас на следующее воскресенье, а Эмилия проводила до лестницы. Уже на прощание она неожиданно спросила:

— Ты знакома с Себастьяном де Рейнаром?

— Кажется, нет. А должна?

— Не обязательно. Просто он недавно вернулся в столицу, и его имя теперь звучит почти на каждом приёме. Говорят, служба у него сложная, характер тоже. Я подумала, ты наверняка захочешь узнать, почему вокруг одного человека столько разговоров.

— Эмилия, я пока даже не знаю, как он выглядит.

— Это поправимо, — пообещала она с подозрительным удовольствием.

Я покачала головой и отправилась к карете. Тогда мне ещё казалось, что из всех столичных забот знакомство с каким-то герцогским наследником занимает последнее место. Вечером я собиралась написать Кристиану о новом наблюдении, потом прочесть хотя бы одну главу отложенной книги и, возможно, прогуляться в саду. Совершенно обычные планы, которыми не стоило делиться с судьбой: у неё, как выяснилось, всегда находилось собственное мнение.

Глава 8. Приём с нежелательными последствиями

Когда наша карета свернула с улицы де Лорен на широкую аллею, ведущую к собственному дому, я ещё не подозревала, насколько настойчиво столичное общество собирается вмешиваться в мои планы. Пока же меня занимали куда более земные вопросы: стоит ли доверять Эмилии, когда она произносит слово «поправимо» с таким видом, будто уже заказала свадебные приглашения, и почему в городе, где существуют магические охладители, ни одна портниха не способна сделать примерочную хоть немного прохладнее.

Матушка дремала, откинувшись на мягкую спинку сиденья. Виктория осторожно развязывала ленту на коробке с образцами кружев, которую госпожа Верен вручила ей на прощание. Я же пыталась читать книгу, взятую накануне из дорожного сундука, но взгляд упорно возвращался к строчкам письма, лежавшего между страницами: Кристиан прислал короткую записку из академии, сообщая, что для опытов ему выделили помещение на втором этаже восточного корпуса. Внизу он приписал: «Катя, не позволяй никому трогать рисунок третьей петли. Особенно мне без тебя».

Возможно, для большинства сестёр это звучало бы как повод для беспокойства. Меня же радовало, что брат хотя бы признаёт существование опасности, пусть и в столь своеобразной форме.

— Ты сегодня непривычно молчалива, — заметила Виктория, переворачивая образец кружев. — Неужели новая ткань оказалась настолько прекрасна?

— Боюсь, я думаю о Кристиане.

— Тогда ткань здесь ни при чём. Что он успел сделать?

— Пока ничего. В этом и заключается главная тревога.

Виктория усмехнулась, и матушка, не открывая глаз, произнесла:

— Если речь о его опытах, скажите ему, что лаборатория не заменяет столовой. Вчера он отказался от ужина, потому что якобы искал правильное соотношение серебряной пыли и янтарной соли.

— И нашёл? — поинтересовалась я.

— Нашёл путь к повторному ужину на кухне. К этому времени повар уже убрал всё, кроме холодной курицы.

— Трагическая судьба учёного, — вздохнула Виктория.

Дома нас встретил запах мокрой земли. Пока мы были у де Лоренов, прошёл короткий дождь, оставивший на дорожках темноватые пятна, а в воздухе — прохладу, которую не смогли подарить ни одна столичная мастерская, ни самые дорогие артефакты. Я задержалась на ступенях, любуясь тем, как на листьях каштана дрожат капли, и едва не столкнулась с Дамианом, который выходил из дверей в форменном тёмно-синем сюртуке.

— О, наша блистательная представительница светского общества вернулась, — приветствовал он меня. — Столица всё ещё стоит?

— К твоему прискорбию, да. Куда ты собрался?

— Пытаюсь исполнить служебный долг прежде, чем он вспомнит обо мне сам.

Дамиан остановился на ступень ниже, оглядел нас и вдруг спросил:

— У маркизы Вельтен кто-нибудь из вас будет послезавтра?

— Я собиралась, — ответила я. — С Эмилией.

— Тогда держись подальше от западной галереи.

Матушка открыла глаза чуть шире.

— Дамиан.

— Что? Я говорю исключительно о сквозняках. У маркизы отвратительные окна.

— Разумеется, — сказала я. — И, если судить по выражению твоего лица, сквозняки там носят служебные мундиры.

Он коротко рассмеялся, поцеловал мать в щёку и ушёл прежде, чем кто-либо успел добиться объяснений. Подобное поведение для Дамиана было достаточно привычным, чтобы я не стала немедленно тревожиться, но недостаточно привычным, чтобы забыть его слова.

После ужина я всё-таки отправилась в библиотеку. В столичном доме она была меньше розенхольмской, зато располагалась в удобном угловом помещении: два окна выходили на сад, третье — на тихую улочку, вдоль которой по вечерам проезжали экипажи соседей. Я устроилась в кресле у лампы, разложила рисунки магических узлов и попыталась сопоставить наблюдения из Розенхольма с тем, что видела по дороге. Прямые линии охранного контура в замке расходились вокруг пустого промежутка, словно кто-то вынул из узора одну деталь и аккуратно свёл края. У дорожного артефакта возле южного моста мне почудилось то же самое.

Почудилось. Я повторила это слово про себя и, не будучи склонной принимать собственные догадки за истину, нарисовала рядом вопросительный знак.

— Так и знал, что найду тебя здесь, — раздался от дверей голос отца.

Он вошёл без привычной торопливости человека, которому каждую минуту напоминают о государственных делах, снял перчатки и положил их на край стола. На лице его лежала усталость. Даже свет от лампы не мог скрыть тонкую складку между бровями.

— Я думала, заседание закончится позже.

— Оно и закончилось позже. Просто один из докладчиков начал повторять собственные аргументы, и я решил, что для их дальнейшего обсуждения моё присутствие необязательно.

Я отложила карандаш.

— Ты всегда так уходишь с заседаний совета?

— Только когда предварительно уведомляю председателя и не оставляю без ответа ни одного вопроса. Не перенимай мою манеру, не разобравшись в её подробностях.

Он сел напротив и посмотрел на раскрытый лист.

— Опять тот узор?

— Я пытаюсь понять, что именно не так с охранной структурой в Розенхольме. На южном мосту было нечто похожее.

Отец наклонился над рисунком, не касаясь его пальцами.

— Ты говорила Кристиану?

— Разумеется. Он ответил, что ему нужно проверить архивы.

— Для него любое событие в мире — повод проверить архивы.

— В этом вы удивительно похожи.

Отец улыбнулся, но затем снова стал серьёзен.

— Катя, сегодня на совете обсуждали в том числе устойчивость старых магических контуров. Пока речь идёт о разрозненных случаях. Никто не установил между ними связи.

— А если связь есть?

— Тогда понадобятся факты. Не волнения, не слухи и не блестящие предположения, а проверяемые факты. В этом разница между хорошим исследователем и человеком, которому очень хочется оказаться правым.

Я невольно взглянула на свой вопросительный знак.

— Намёк принят.

— Я вовсе не намекаю. Я обучаю дочь государственному благоразумию.

— В столь поздний час? Ты беспощаден.

Отец рассмеялся, и на несколько мгновений усталость словно отступила от него. Мы ещё поговорили о предстоящем приёме, о здоровье старого управляющего и о том, что матушка твердо решила обновить половину моих платьев. После его ухода я закрыла альбом и впервые за этот вечер спокойно взялась за книгу.

Следующий день оказался заполнен делами настолько непримечательными, что к вечеру я сочла его образцом правильного столичного существования. Утром матушка принимала гостей, после полудня мы с Викторией выбирали подарки для знакомых, а ближе к ужину мне удалось встретиться с Кристианом. Он принёс три книги, огромную стопку заметок и поразительную новость: Марьяна согласилась помочь ему с каталогами восточного хранилища.

— Она сама согласилась? — уточнила я.

— Естественно. Я объяснил, насколько интересны найденные документы.

— И она не сбежала?

— Катя.

— Прости. Я просто восхищаюсь научной преданностью некоторых людей.

Кристиан недоверчиво покосился на меня и вернулся к книгам. Я не стала объяснять, почему меня развеселило его выражение лица. Иногда сестринское милосердие заключается в том, чтобы дать человеку ещё немного пожить в счастливом неведении.

В день приёма у маркизы Вельтен солнце появилось над крышами поздно. Небо было затянуто серебристыми облаками, и город выглядел так, будто готовился к осеннему празднику раньше срока. Я провела утро за перепиской и чтением, затем Виктория помогла мне выбрать платье: глубокого зелёного цвета, без чрезмерного количества драгоценностей, с узкими рукавами, которые госпожа Верен, к счастью, согласилась оставить в покое.

Эмилия прислала записку с единственным требованием: не опаздывать. Это от неё, которая однажды заставила меня ждать у театра целую четверть часа из-за неправильно повязанной ленты, было особенно возмутительно.

Особняк маркизы находился в старом квартале недалеко от дворцовой площади. Его парадная лестница, освещённая рядами хрустальных светильников, выходила в галерею с портретами давно умерших родственников хозяйки. У каждого из изображённых было выражение такого строгого достоинства, что мне захотелось пообещать ближайшему из них не задерживаться надолго.

— Не смотри на портреты так пристально, — шепнула Эмилия, подхватывая меня под руку. — Маркиза считает, что её прадед умел читать мысли.

— Удивительно, что при таком таланте он не догадался заказать художнику другое выражение лица.

Эмилия подавила смех и повела меня в гостиную, где гул голосов смешивался с негромкой музыкой. Знакомые лица мелькали одно за другим. Мы приветствовали дочь графа Арвен, выслушали короткий рассказ о поездке на южные источники и едва спаслись от молодого баронета, решившего продемонстрировать мне свою осведомлённость в истории императорских печатей. Баронет ошибался в каждой второй дате, но произносил их с такой уверенностью, что я сначала решила: он готовит новую хронологию специально для меня.

Наконец Эмилия потянула меня в соседнюю галерею.

— Тут обычно гораздо тише. И, кстати, я обещала тебе кое-кого показать.

— Ты обещала исправить недостаток моих сведений. Это не совсем то же самое.

— Какая разница, если результат будет полезен?

Мы остановились возле высокого окна. Галерея действительно была прохладнее: сквозняк, о котором говорил Дамиан, не выдуман. По полу скользили тени от листьев, за стеклом покачивались ветви клёнов. В дальнем конце помещения разговаривали трое мужчин. Двое были мне незнакомы; третьего, лорда Эстера, я видела на нескольких приёмах и знала как человека, который редко произносит что-либо без предварительного расчёта.

— Вон тот, справа, — прошептала Эмилия, не поворачивая головы. — Себастьян де Рейнар.

Я посмотрела.

Он стоял немного в стороне от собеседников, в тёмном сюртуке без излишней отделки, с аккуратно уложенными короткими волосами и выражением внимательной сдержанности. Высокий, широкоплечий, он держался спокойно и совершенно не пытался завладеть вниманием комнаты. Но когда лорд Эстер заговорил, Себастьян едва заметно повернул голову, и я поняла, что слушает он куда внимательнее, чем можно подумать со стороны.

— Ну? — спросила Эмилия.

— Что «ну»?

— Твоё мнение.

— Он стоит у окна.

— Катерина!

— Красиво стоит, если тебе непременно нужна оценка.

Я хотела отвести взгляд, но до меня донеслись обрывки разговора.

— ...в северном округе результаты предварительной проверки были иными, — говорил один из мужчин. — Мы не можем просто списать разницу на качество накопителей.

— В отчёте указано, что вмешательство в контур исключено, — ответил лорд Эстер.

— В отчёте указано, что следов вмешательства не обнаружено, — спокойно поправил его Себастьян. — Это разные утверждения.

Я невольно прислушалась. Речь шла, судя по всему, о проверках магических источников. Возможно, о тех самых, которые обсуждались в совете. Я не собиралась подслушивать: мы с Эмилией стояли на виду, а мужчины не понижали голос. Но услышанные слова неожиданно совпали с моими размышлениями о неполных плетениях.

— А если вмешательства не было? — спросила я, прежде чем успела решить, насколько уместно вступать в чужой разговор. — Может, отсутствует не часть исходной структуры, а сама схема, по которой вы её проверяете?

Трое мужчин повернулись ко мне одновременно. Лорд Эстер узнал меня первым.

— Леди де Вальтер. Не ожидал встретить вас здесь.

— Признаться, я тоже не знала, что именно в этой галерее обсуждают магические исследования, — вежливо ответила я. — Прошу простить, если вмешалась не вовремя.

Лорд Эстер уже приготовился произнести подобающую светскую любезность, когда Себастьян сказал:

— Мы действительно обсуждаем служебные вопросы, леди. И было бы лучше продолжить разговор без посторонних.

Его тон оставался безукоризненно учтивым. Тем неприятнее прозвучало слово «посторонних».

— В таком случае, лорд де Рейнар, вам, несомненно, следовало выбрать помещение, где посторонних нет.

Краем глаза я заметила, что Эмилия задержала дыхание.

Себастьян посмотрел на меня внимательнее. Его глаза оказались серыми, с холодноватым оттенком, который, впрочем, мог быть следствием света.

— Справедливое замечание, — сказал он. — Приму его к сведению.

— Рада оказаться полезной.

— Однако это не отменяет того, что разговор частный.

— Нисколько. Я уже собиралась уйти, прежде чем узнала, что моё присутствие представляет такую серьёзную угрозу.

Лорд Эстер закашлялся. Другой мужчина отвернулся к окну, и по его плечам я заподозрила улыбку. Себастьян не изменился в лице.

— Не думаю, что вашему присутствию здесь следует придавать столь драматическое значение.

— Тогда мы наконец согласились хотя бы в одном.

Я сделала лёгкий поклон и взяла Эмилию под руку. По галерее мы прошли неторопливо, но едва оказались за дверью, подруга стиснула мою ладонь.

— Ты понимаешь, с кем сейчас спорила?

— С человеком, который считает галерею приёмного дома своим служебным кабинетом.

— Катерина, он ведёт расследования по личным поручениям управления!

— Возможно, поэтому ему так трудно привыкнуть к тому, что остальные люди имеют право задавать вопросы.

Эмилия открыла было рот, затем передумала и рассмеялась так неожиданно, что дама у соседнего столика посмотрела на нас с неодобрением. Мы вернулись в главную гостиную, где музыканты как раз сменили мелодию. До конца вечера я успела познакомиться с двумя студентками академии, обсудить с хозяйкой её великолепную оранжерею и выслушать пространный комплимент своему платью от баронета, который решил пока оставить историю печатей в покое.

О Себастьяне я почти не вспоминала. Почти — потому что однажды заметила его в дверях гостиной: он разговаривал с пожилой дамой, чуть склонив голову, и выглядел настолько безупречно воспитанным, что я усомнилась в собственной памяти. Возможно, он просто выбирал людей, с которыми считал нужным быть любезным. Что ж, у каждого свои способы проводить вечер.

В карету мы сели уже после того, как на улицах зажглись фонари. Эмилия ехала с нами до перекрёстка, откуда её должен был забрать семейный экипаж. Она с удовольствием возвращалась к разговору в галерее, а я безуспешно пыталась сменить тему.

— Ты хотя бы признаёшь, что он красив? — спросила она наконец.

— Признаю, что он не испортил интерьер маркизы своим присутствием.

— Это, пожалуй, самое щедрое признание, которого я от тебя добьюсь.

Когда экипаж Эмилии остановился, мы попрощались, договорившись навестить друг друга после ближайших семейных визитов. Дорога домой заняла меньше четверти часа. Из окна я видела, как тонкие полосы света ложатся на мокрую брусчатку, а прохожие поднимают воротники от ночной прохлады. Я вспомнила странную фразу Себастьяна об отчёте, в котором не обнаружили следов вмешательства. Казалось бы, тонкая разница в словах. Но иногда именно такие различия объясняют, почему одна догадка оказывается полезной, а другая — опасной.

У ворот дома я уже решила, что завтра при случае спрошу отца, какой именно северный округ имелся в виду. Увы, у моих братьев имелись собственные планы на мой вечер.

Глава 9. О том, что слышат стены

Дамиан поджидал меня в малой гостиной. Само по себе это не предвещало ничего необычного: брат часто возвращался поздно, а потом, не желая ужинать в одиночестве, отправлялся искать того, кто ещё не спит. Насторожило другое — стоило мне появиться, как он закрыл лежавшую перед ним книгу вверх ногами.

— Ты читаешь? — спросила я, останавливаясь на пороге.

— Иногда подобное случается.

— Книгу по верхней стороне переплёта?

Дамиан бросил взгляд на столик и безмятежно перевернул том.

— Важна не сторона, а содержание. Как прошёл приём?

Я сняла перчатки и положила их возле книги.

— Как любой приём: музыка, разговоры, множество людей, уверенных, что их собеседникам чрезвычайно интересны чужие родственники. Почему ты спрашиваешь?

— Неужели мне запрещено интересоваться делами сестры?

— Не запрещено. Но ты интересуешься ими обычно тогда, когда надеешься услышать нечто занимательное.

— И правильно делаю. Жизнь слишком коротка, чтобы упускать семейные новости.

Он подвинул ко мне чашку с горячим настоем трав, появившуюся на столе неизвестно откуда. Я села напротив и сделала глоток. Напиток пах мятой, липовым цветом и чем-то горьковатым, что Дамиан неизменно добавлял ради бодрости и называл полезным.

— Западную галерею я видела, — сказала я.

Он перестал улыбаться лишь на миг.

— И как окна?

— Сквозит. Но, кажется, главная опасность исходит от людей, которые обсуждают служебные дела прямо перед открытой дверью.

— Катя.

— Что?

— Ты ведь не стала задавать им вопросы?

Я поставила чашку.

— В зависимости от того, как строго ты определяешь понятие «вопрос».

Дамиан прикрыл глаза. Так выглядел человек, которому только что подтвердили худшие подозрения.

— Поразительно. В целой столице ты могла выбрать любой зал, любую беседу, любое общество. И выбрала именно их.

— Ты забыл уточнить, что сам заранее обратил моё внимание на галерею.

— Я просил туда не ходить!

— Если предупреждаешь человека о западной галерее за час до того, как он окажется в доме, где есть западная галерея, не удивляйся, что человек станет замечать вывески.

Дамиан провёл ладонью по лицу, потом неожиданно рассмеялся.

— Ладно. Рассказывай.

Я рассказала — достаточно подробно, чтобы он понял смысл разговора, но без собственных предположений о служебных материалах. Брат слушал не перебивая. Когда я закончила, он долго молчал, затем взял чашку и повернул её за ручку.

— Себастьян бывает резковат, — наконец признал он.

— Вот как? А я решила, что всё дело в очаровании.

— Не превращай его в чудовище раньше времени. Он серьёзно относится к работе.

— Возможно, ему стоило бы столь же серьёзно относиться к выбору места для разговоров.

— С этим спорить не буду. — Дамиан помедлил. — А что именно ты спросила о схемах проверки?

Я объяснила. Брат нахмурился. Его интерес показался мне куда более значительным, чем он хотел показать.

— Ты тоже слышал о неполных структурах? — спросила я.

— Я слышал достаточно, чтобы предпочесть разговор с отцом утром. Сегодня слишком поздно, а ты уже едва держишь глаза открытыми.

— Я отлично держу глаза открытыми.

— Только потому, что не пробовала закрыть.

Я хотела возразить, но неожиданно зевнула и тем самым испортила собственную защиту. Дамиан немедленно воспользовался победой, поднялся, подал мне перчатки и проводил до лестницы.

Уже перед тем как разойтись, он коснулся моей руки.

— Катя, одну вещь скажу без шуток. В столице сейчас обсуждают больше, чем показывают на бумаге. Это не значит, что тебе нужно пугаться каждого разговора. Но не пытайся в одиночку разбираться в том, что может касаться служебных расследований.

— Я не собиралась.

— Вот и хорошо.

— Пока не собиралась, — уточнила я.

Он с сожалением посмотрел на потолок.

Утром за завтраком я обнаружила, что из всех обитателей дома только Александр выглядел человеком, которому действительно удалось выспаться. Отец читал письмо, матушка просматривала список приглашений, Кристиан спорил с Викторией о том, способны ли некоторые декоративные камни искажать магические плетения, а Дамиан с преувеличенным интересом изучал яичницу.

— Ты вернулся поздно, — сказал Александр брату.

— Служба, — коротко отозвался тот.

— А читаешь книгу по верхней стороне переплёта тоже по службе? — поинтересовалась я.

Виктория подняла глаза. Кристиан замолчал. Дамиан медленно положил вилку.

— Сдаётся мне, сегодня утром кто-то лишится моего расположения.

— Оно настолько ценно? — спросил Кристиан.

— Для некоторых — несомненно.

— Тогда тебе стоит хранить его в сейфе, — заметила матушка, не отрываясь от списка. — И перестать обсуждать семейные неприятности на весь стол.

Александр посмотрел на меня.

— Какие неприятности?

— Никаких, — одновременно ответили мы с Дамианом.

Он вздохнул с тем выражением, которое обычно появлялось у него после семейных праздников.

— Замечательно. Значит, через десять минут я услышу подробности от прислуги.

Подробности он, однако, услышал от меня — когда мы с отцом и братьями перешли в кабинет после завтрака. Я ещё раз описала разговор в галерее, на этот раз без светских подробностей. Отец слушал внимательно, несколько раз уточнил формулировки, а затем попросил показать рисунки из Розенхольма.

— Я не утверждаю, что это одно явление, — предупредила я, разложив листы. — Мы не знаем, какие именно узлы исследовали в северном округе. Но если проверять контур по

современной схеме, то отсутствующая часть старого узора может показаться повреждением. А если схемы составлены неправильно — можно не заметить и настоящее повреждение.

Кристиан немедленно придвинулся ближе.

— В этом есть смысл. Особенно если исходная структура создавалась по иной классификации связей.

— Сколько в твоём предложении слов, которые можно заменить на «мы пока ничего не знаем»? — спросил Дамиан.

— Почти все, — невозмутимо ответил брат. — Но именно поэтому я хочу проверить.

Отец изучил рисунки и вернул их мне.

— Не передавайте материалы посторонним до того, как Кристиан проверит их в академии. И, Катя, если снова услышишь подобный разговор, лучше запомни участников, чем вступай в спор.

— Я запомнила и участников, и спор.

— В этом-то и заключаются мои опасения.

Его слова прозвучали с мягкой иронией, но я заметила, как он задержал взгляд на одном из листов. Кажется, отец впервые рассматривал мои наблюдения не как особенность дара, а как возможную часть серьёзной проблемы.

День между тем требовал исполнения обязанностей, которые не отменялись даже государственными тайнами. В доме ожидали управляющего столичными владениями, матушка назначила встречу с ювелиром, а я обещала Эмилии отправить записку и поблагодарить маркизу за приём. После полудня мне предстояло сопровождать Викторию в небольшую галерею тканей, где она искала подарок своей тётушке. На входе нас остановил дождь — настоящий, долгий, упорный, с тугими струями, бившими по мостовой. Мы переждали его за чашкой горячего шоколада в соседней кондитерской.

Виктория выбрала столик у окна, откуда было видно, как магический водосток на карнизе направляет дождевую воду в узкую медную трубу.

— Александр говорил, ты вчера познакомилась с лордом де Рейнаром, — сказала она, когда нам принесли пирожные.

— Знакомством это можно назвать лишь при особом великодушии.

— Дамиан утверждает, что ты сумела вывести его из терпения.

— Я не заметила, чтобы он потерял терпение. Он слишком хорошо воспитан для подобной роскоши.

— Значит, тебе просто не понравилось, что он тебя остановил?

Я задумалась. Виктория умела задавать вопросы так, что ответить шуткой было трудно.

— Мне не понравилось, что он решил, будто имеет право говорить со мной как с неразумным ребёнком. Если бы он попросил нас уйти в более подходящих выражениях, я бы не спорила.

— А возможно, спорила бы только для того, чтобы доказать, что не обязана спорить, — заметила Виктория.

— Ты сегодня явно на стороне противника.

— Я на стороне здравого смысла. Он отличается тем, что редко бывает красивым во время ссоры.

Я отпила шоколад и нехотя признала, что в её словах есть доля правды. Мне действительно не нравилось, когда незнакомые люди отдавали мне распоряжения. Особенно если они полагали, что их должность заменяет объяснение. Но это ещё не означало, что любые их доводы неверны.

Вечером, вернувшись домой, я нашла на своём письменном столе конверт с тиснёной императорской печатью. Приглашение на торжество было составлено по всем правилам двора: золотые буквы, ровные строки, длинный перечень титулов и указание времени, к которому

гостям следовало прибыть в западный парадный корпус дворца. Внизу отдельной строкой значилось, что во время церемонии будет выставлена восстановленная древняя коронная реликвия — Камень Согласия.

Я перечитала эту строку дважды.

О Камне Согласия я знала из уроков истории. Согласно преданию, его создали при заключении Клятвы Семи Домов; он служил символом объединения королевств и с тех пор хранился под усиленной защитой. Публике его показывали редко, а церемонии вокруг него обычно отличались особой торжественностью. Когда я была младше, Кристиан как-то убедил меня, что камень способен заставить произнести правду любого, кто прикоснётся к его оправе. Я поверила лишь на несколько минут — до того момента, как он, ухмыляясь, предложил приложить к нему Дамиана.

Теперь мне стало интересно, почему реликвию решили показать именно в этом году.

С этим вопросом я отправилась к матери. Она сидела в будуаре, разложив на столике приглашения и небольшие карточки с именами гостей. Из открытого окна доносился шелест лип, а по подоконнику осторожно перебиралась толстая ночная бабочка.

— Матушка, ты знала, что выставят Камень Согласия?

— Слышала об этом ещё весной. Император хотел подчеркнуть непрерывность государственных традиций в год, когда обсуждается новая система распределения магических источников. Что тебя удивляет?

— То, что древнюю реликвию решили превратить в украшение политического выступления.

Матушка отложила карточку и посмотрела на меня задумчиво.

— Катенька, во дворце очень мало вещей существует только для красоты. Особенно если они старше самого дворца.

Мы некоторое время говорили о церемонии, правилах представления гостей и том, какие семейства займут места ближе к центральной галерее. Затем мать неожиданно спросила, собираюсь ли я надеть изумрудное платье или предпочту приготовленное для императорского торжества серебристо-голубое.

Я представила себе будущий разговор с госпожой Верен и вздохнула.

— Если от меня требуется торжественное обещание, что я не стану участвовать в дуэли, выбираю голубое.

— Прекрасно. Тогда останется только объяснить это твоим братьям.

Бабочка наконец добралась до края окна, сложила крылья и замерла. Я смотрела на неё, а сама почему-то думала о Камне Согласия, о незаконченных магических линиях и о том, насколько убедительно можно назвать традицией вещь, если достаточно долго повторять её название.

Глава 10. Под сводами императорского дворца

Утро перед торжеством началось с шелеста ткани и осторожного стука в дверь. Горничная принесла чай, поставила на край стола корзину с лентами и сообщила, что госпожа Верен прислала исправленные перчатки. Я ещё не успела окончательно проснуться, но уже поняла: день обещает быть длинным.

В окно было видно, как над городом поднимается прозрачная дымка. После дождей предыдущих дней крыши выглядели особенно чистыми, а на медных шпилях лежали яркие солнечные полосы. С улицы доносился шум колёс и голоса прохожих. Столица готовилась к императорскому празднику без особого почтения к тем, кому предстояло весь день стоять на ногах.

Я умылась, заплела волосы в свободную косу и спустилась к завтраку. Семья собралась почти в полном составе, за исключением отца, которого вызвали во дворец ещё до рассвета. Александр просматривал документы, Виктория пыталась убедить его отложить хотя бы один лист, Дамиан с интересом наблюдал за их борьбой, а Кристиан рисовал на полях газеты какую-то схему.

— Если ты прожжёшь газетную бумагу, — сказала матушка, — я перестану позволять тебе приносить за стол рабочие записи.

— Это не рабочая запись, — возразил Кристиан. — Я просто заметил, что в описании реликвии на третьей странице пропущена одна историческая дата.

— Наконец-то опасность для общества стала очевидной, — заметил Дамиан. — Редактор газеты переживёт этот позор с трудом.

Я села рядом с Викторией и попросила передать мне хлеб.

— Ты обнаружил ошибку или новую гипотезу? — спросила я Кристиана.

— Ошибку. В статье говорится, что оправу Камня Согласия заменили двести лет назад. Но по архивным каталогам выходит, что её не заменяли целиком, только укрепляли на месте старой.

— И какая разница?

— Огромная, если исходное плетение было привязано к материалу оправы.

Дамиан отложил ложку.

— Прошу вас. Хотя бы сегодня не обсуждайте магические плетения прежде второго блюда.

— У нас ещё не было первого, — напомнила я.

— Именно. Я пытаюсь спасти остатки утра.

Матушка прервала спор вопросом о времени возвращения. Выяснилось, что Александр и Дамиан будут во дворце раньше нас по служебным причинам, Кристиан приглашён в составе академической делегации, а Виктория поедет вместе со мной и матерью. Мы договорились встретиться в парадной галерее до начала официальной церемонии, чтобы избежать поисков друг друга среди сотен гостей.

После завтрака день словно распался на множество мелких забот, которые, однако, связывались между собой самым естественным образом. Сначала я отправилась в библиотеку за книгой, которую обещала вернуть Кристиану; затем помогла матушке просмотреть список подарков для придворных дам; потом выслушала замечания камеристки о том, что выбранная причёска потребует особой осторожности возле магических светильников. В середине дня прибыл отец. Он успел выпить чашку кофе, поговорить с Александром в кабинете и спросить, не передумала ли я ехать.

— Почему я должна передумать?

— Потому что с детства не любишь официальные церемонии.

— Я не люблю их продолжительность. Сами церемонии бывают познавательны.

— И что ты намерена познать сегодня?

— Например, сколько времени человек может слушать речь, прежде чем научится понимать её без слов.

Отец рассмеялся, но перед уходом задержался у двери моей комнаты.

— Катя, в зале реликвии будут работать очень старые охранные структуры. Если заметишь что-то необычное, не пытайся исследовать это самостоятельно. Скажи мне или Кристиану. Договорились?

Я обещала. Легче было бы дать такое обещание, не зная, что именно собираюсь там увидеть.

К вечеру город преобразился. Из окон кареты я видела гирлянды живых цветов над входами в магазины, светящиеся ленты, натянутые между балконами, и россыпи маленьких огней, которыми украшали мосты. Люди останавливались на площадях, чтобы взглянуть на проезжающие к дворцу экипажи. У уличного музыканта собралась толпа, и сквозь стекло до нас долетала весёлая, чуть неровная мелодия. Виктория поправляла складку моего серебристо-голубого платья, матушка напоминала о порядке приветствий, а я смотрела на небо, где уже появлялись первые звёзды.

— Ты волнуешься? — тихо спросила Виктория.

— Немного. Не из-за приёма. Мне всё ещё не даёт покоя Камень Согласия.

— Кристиан говорил, что реликвию осматривали лучшие специалисты столицы.

— Именно поэтому я надеюсь ничего интересного не заметить.

Матушка посмотрела на меня с таким сомнением, что я почти обиделась. Почти — потому что имела основания разделять её взгляд.

Дворец возник перед нами за изгибом широкой улицы: огромное светлое здание с высокими колоннами и острыми кровлями, над которыми неподвижно горели голубоватые защитные огни. По обеим сторонам центрального подъезда стояли гвардейцы в парадных мундирах. За их спинами виднелись узкие арочные проходы, ведущие в сад, и фонтаны, чья вода поднималась в воздух совершенно бесшумно, распадаясь на тонкие сияющие нити.

Внутри пахло воском, цветами и полированным деревом. Слуги принимали накидки, распорядители проверяли карточки приглашённых, а в глубине залов звучала музыка. Длинная анфилада гостиных была освещена неяркими магическими шарами, заключёнными в стеклянные чаши. Каждый светильник держался на собственной тонкой структуре, и я невольно различала знакомые спирали, узлы фиксации и линии подпитки. Всё работало ровно. Я позволила себе немного расслабиться.

— Катерина! — позвала Эмилия, едва мы вошли в первую галерею.

Она появилась из толпы в платье оттенка тёмного граната, с маленькой серебряной заколкой в волосах. Я представила её матери, хотя они были знакомы много лет, и мы вместе прошли к столикам с прохладительными напитками. Эмилия успела рассказать о внезапной болезни дальнего родственника, о новом придворном музыканте и о том, что принцесса Аделина сегодня намерена лично приветствовать некоторых гостей академии.

— Ты уверена? — спросила я.

— Мой отец видел список. А он не склонен фантазировать о подобных вещах.

— Ты же склонна.

— И потому мы прекрасно дополняем друг друга.

Вскоре к нам присоединилась сама принцесса — высокая девушка с тёмными волосами, убранными в строгую причёску, и спокойными, внимательными глазами. Аделина была старше меня всего на два года, но придворный опыт придавал ей уверенность, которой я порой искренне завидовала. Мы знали друг друга по нескольким благотворительным мероприятиям и кратким встречам на официальных праздниках.

— Леди Катерина, — сказала она, улыбаясь, — надеюсь, вы ещё не устали от нашего торжества?

— Ваше высочество, оно только началось. Мне кажется невежливым уставать столь поспешно.

— Прекрасный ответ. Передайте его моему брату, если увидите. Леон уверен, что все официальные речи следует сокращать вдвое, а мне придётся объяснять ему, почему половину нельзя сокращать без согласования с авторами.

— Тогда, возможно, стоит сокращать не речи, а количество их авторов, — предложила Эмилия.

Принцесса засмеялась, и наш разговор ещё на несколько минут задержался на теме придворных обязанностей. Затем её позвали к императрице. Аделина извинилась, пообещала найти нас позже и исчезла за рядами гостей.

Я провела ладонью по холодной поверхности бокала, наблюдая, как в дальней части зала собираются члены совета. Среди них был лорд Северин де Арден — высокий седовласый мужчина с аккуратной бородой и почти неподвижным лицом. Он разговаривал с отцом, чуть склонив голову, и со стороны казался воплощением учтивого внимания. Только отец отвечал коротко, а когда Северин отошёл, потёр переносицу. Я мысленно пообещала себе не расспрашивать его до окончания церемонии.

Обещание оказалось недолгим, потому что почти сразу позади раздался знакомый голос:

— Леди де Вальтер.

Я обернулась. Себастьян де Рейнар стоял в нескольких шагах от меня, на этот раз в форменном сюртуке управления, с узкой серебряной эмблемой на воротнике. Вблизи он казался старше своих двадцати семи лет — не внешностью, а той спокойной сосредоточенностью, с которой рассматривал людей и пространство вокруг.

— Лорд де Рейнар, — ответила я. — Надеюсь, сегодня галереи дворца предоставлены гостям официально?

В уголках его рта дрогнуло что-то похожее на улыбку.

— Насколько мне известно, да. Но некоторые из них временно закрыты для посетителей.

— Благодарю за предупреждение. Я непременно постараюсь отличить открытую дверь от закрытой.

— Полагаю, при вашем внимании к деталям это не составит труда.

Я прищурилась. Он произнёс слова совершенно серьёзно, и оттого невозможно было понять, шутит ли. Эмилия рядом со мной придала лицу выражение преувеличенного интереса к цветам на соседнем столике.

— Ваша служба сегодня связана с реликвией? — спросила я.

Себастьян перевёл взгляд на меня.

— Отчасти.

— Тогда, вероятно, вы знаете, насколько древние защитные структуры отличаются от современных.

— Знаю достаточно, чтобы не обсуждать рабочие материалы на приёме.

— Какое разительное изменение привычек за два дня.

Он всё-таки улыбнулся — быстро и почти незаметно.

— Я предполагал, что вы вспомните нашу предыдущую беседу.

— Вряд ли её удалось бы забыть. Столь изысканно меня ещё не просили уйти.

— Тогда позвольте воспользоваться случаем и признать: я мог выразиться мягче.

Ответ оказался настолько неожиданным, что я не сразу нашлась.

— А я могла не задавать вопроса, не зная всех обстоятельств, — признала я после паузы.

— На этом, пожалуй, можно остановиться, пока мы оба не совершили нечто совершенно непривычное.

Он склонил голову и отошёл к одному из сотрудников управления. Эмилия повернулась ко мне с широко раскрытыми глазами.

— Катерина. Вы сейчас извинились друг перед другом?

— Не преувеличивай. Мы заключили временное перемирие.

— А я-то думала, вечер пройдёт скучно.

До начала церемонии оставалось чуть больше получаса. Мы с Эмилией прогулялись по открытой галерее, где между колоннами виднелся сад, и встретили Кристиана с двумя преподавателями академии. Брат был необычайно оживлён: ему позволили осмотреть описание восстановительных работ с Камнем Согласия. Он заговорил о свойствах старых оправ, о недостаточности исторических данных и о том, что в одном из архивов вновь обнаружены расхождения. Я слушала, пока один из преподавателей, добродушный пожилой маг, не напомнил ему, что вечер всё-таки посвящён государственному празднику.

— Я прекрасно помню, — возразил Кристиан. — Именно государственная история и вызывает у меня вопросы.

— Иногда, молодой человек, вопросы лучше оставить на утро, — заметил преподаватель.

— Или хотя бы на время после торжественной речи, — добавила я.

Мы расстались возле центральной лестницы. Кристиан направился к академической делегации, Эмилию позвала графиня де Лорен, а я ненадолго осталась одна. Мне захотелось посмотреть на реликвию до начала церемонии. По указателям я нашла высокий зал, из которого через распахнутые двери было видно возвышение под полукруглым куполом.

Камень Согласия стоял в центре небольшой платформы на тёмной подставке. Он оказался меньше, чем я представляла: овальный прозрачный кристалл с мягким внутренним свечением, заключённый в серебряную оправу, на которой переплетались тонкие узоры. Вокруг платформы сияли защитные контуры. Их работа была почти незаметной обычному глазу, но для меня пространство у реликвии казалось наполненным множеством пересекающихся нитей.

Я приблизилась настолько, насколько позволяла ограда.

Первые мгновения всё выглядело привычно. Ровный охранный слой, несколько опорных узлов, сложная сеть распределения энергии. Затем я заметила промежуток между двумя участками узора — крошечную пустоту, по форме удивительно похожую на то, что видела в Розенхольме. Я невольно напряглась, пытаясь рассмотреть её подробнее. Пустота не была повреждением. Скорее, окружающие линии словно бережно обходили место, где когда-то проходила другая связь.

— Леди, — окликнул меня распорядитель, — проход в зал сейчас закрывается. Прошу вернуться к гостям.

Я послушно отошла. В коридоре некоторое время стояла неподвижно, вспоминая слова отца. Не исследовать самостоятельно. Сообщить. Я направилась искать его или Кристиана, но толпа уже начала перемещаться к главному залу, и на несколько минут меня увлёк общий поток.

Когда мы собрались у обозначенных мест, по сводам прокатился низкий мелодичный звон. Гости затихли. Музыка смолкла, и распорядитель объявил о прибытии императорской семьи.

Император Эдгар вошёл первым, рядом с ним шла императрица Элеонора. За ними следовали наследный принц Леон и Аделина. В торжественных одеждах и при свете сотен магических огней они выглядели так, как положено выглядеть династии на парадном полотне, — красиво и несколько отдалённо от обычных человеческих забот. Но стоило Аделине незаметно поправить рукав брата, как образ стал куда живее.

Речь императора была посвящена основанию державы, союзу древних родов и ответственности нынешних поколений перед будущими. Я старалась слушать внимательно. Отец стоял неподалёку от помоста. Чуть дальше, возле служебного прохода, я заметила Себастьяна

с двумя сотрудниками управления. Кристиан находился среди представителей академии. Дамиан — у боковой колонны, откуда открывался хороший обзор зала.

Когда император произнёс слова о Клятве Семи Домов, над платформой с Камнем Согласия развернулась тонкая сияющая арка. По древнему обычаю реликвия должна была подтвердить действие церемониального плетения. Гости подняли головы. Сквозь прозрачную толщу кристалла прошёл золотистый свет.

И тогда я увидела восьмую линию.

Она не возникла внезапно. Просто на миг сделалась различимой, как невидимая до того надпись, которую можно прочесть лишь при определённом освещении. Между семью основными узлами находилось ещё одно место — не пустой промежуток, а сложный, тщательно скрытый центр соединения. От него тянулись тонкие связи, разорванные не случайно, а так аккуратно, словно их отделили по заранее намеченным линиям.

Я стиснула пальцами край перчатки.

Свет внутри камня изменился. Золотистое сияние потускнело, затем вспыхнуло снова, на этот раз с неприятным зеленоватым оттенком. Музыканты продолжали играть, не заметив ничего странного. Император остановился на полуслове. Кто-то из магов у стены поднял голову.

Я сделала шаг вперёд и оглянулась, пытаясь найти Кристиана. Брат смотрел на платформу с таким же напряжением, с каким обычно изучал недоступное объяснению явление. Себастьян уже отдавал короткие распоряжения.

Плетение над камнем дрогнуло.

Я ясно увидела, что один из опорных узлов пытается принять энергию через отсутствующую связь. Система словно требовала от самой себя невозможного. Если поток пойдёт по оставшимся семи линиям, нагрузка распределится неправильно, и защита зала может не выдержать.

— Остановите подпитку верхнего контура! — вырвалось у меня.

Мой голос потерялся в шуме первых встревоженных возгласов, но Кристиан услышал. Он обернулся, а потом поднял руку к ближайшему служебному магу. На платформе вспыхнуло яркое кольцо. Из глубины зала донёсся резкий звук, похожий на треснувшую струну.

Себастьян оказался у ограды прежде, чем я успела двинуться. Вокруг него развернулась плотная серебристая защита, оттесняя вспышку обратно к камню. По залу прошла волна холодного воздуха; свечи погасли, а магические лампы мигнули. Люди отступили от платформы. Гвардейцы начали выводить ближайшие ряды гостей к боковым дверям.

Я чувствовала, как плетение натягивается, и понимала: Себастьян удерживает внешнюю часть, но внутри остаётся узел, который продолжает требовать несуществующую связь. Я не могла его исправить. Для этого мне не хватало ни знаний, ни силы. Но я могла хотя бы объяснить, куда направить защиту.

— Справа от третьего узла! — крикнула я. — Не на наружное кольцо, внутрь! Там обратный поток!

Себастьян повернул голову. Наши взгляды встретились всего на мгновение, однако он не стал тратить время на вопросы.

— Кристиан! — коротко приказал он. — Проверьте внутреннюю связку!

Брат уже бежал вдоль ограды, на ходу разворачивая собственную диагностическую сеть. Два мага управления встали по обе стороны платформы, подхватив нагрузку. Я увидела, как в защитной структуре появляется новая развилка, и, не задумываясь, показала рукой направление, по которому следовало разомкнуть временный контур.

— Здесь! И ещё ниже. Не трогайте семь основных линий!

Кристиан понял первым. Он коротко объяснил что-то коллегам, и один из них поднял перед собой узкий артефакт, похожий на металлическую линейку. Сияние вокруг Камня Согла-

сия на миг стало нестерпимо ярким. Я закрыла глаза от света, но даже сквозь веки продолжала чувствовать болезненное напряжение структуры.

Потом раздался глубокий, почти музыкальный удар.

Когда я снова смогла смотреть, золотистая арка исчезла. Камень стоял неподвижно, лишь у основания его оправы мерцала тусклая точка. Защитные огни над потолком медленно восстанавливали прежнюю яркость. Никто не говорил. Казалось, огромный зал на несколько секунд забыл, как дышать.

Себастьян опустил руки. Серебристый щит растворился у его плеч, и я впервые заметила, насколько напряжённо он держится. Один из магов присел на край платформы, другой немедленно подошёл к нему. Кристиан медленно провёл ладонью по лицу, оставив на щеке полоску чернил — совершенно непонятно, откуда они взялись во время торжества.

Гвардейцы продолжали выводить гостей, теперь уже спокойнее. Император разговаривал с начальником охраны. У подножия возвышения я увидела отца: он искал кого-то глазами и остановился, заметив меня. Я подняла руку, показывая, что со мной всё в порядке.

— Леди де Вальтер.

Себастьян стоял совсем близко. На его лице больше не было той светской холодности, которую я успела запомнить по двум встречам. Он смотрел на меня как человек, которому необходимо получить точный ответ и который не собирается довольствоваться догадками.

— Что именно вы увидели? — спросил он.

Я открыла рот, но обнаружила, что ладони дрожат. Не от страха — скорее, от внезапно пришедшего понимания, насколько близко всё было к настоящей беде. В зале пахло озоном, горячим металлом и расплавленным воском. Где-то рядом плакал ребёнок, а его мать негромко успокаивала его.

— Я видела восьмую связь, — произнесла я наконец. — Там, где её быть не должно.

Себастьян не перебил. Он лишь чуть наклонил голову, словно проверяя, правильно ли расслышал.

— Восьмую?

— Да. И, лорд де Рейнар, я почти уверена, что её не повредили сегодня. Её убрали очень давно.

Он посмотрел в сторону потускневшей реликвии. Затем на меня. И впервые за всё время нашего знакомства в его глазах я увидела не раздражение и не сдержанное любопытство, а совершенно неприкрытую тревогу.

— Тогда, — сказал он негромко, — нам понадобится поговорить. Но сначала я должен убедиться, что контур действительно остановлен.

— Я никуда не ухожу, — ответила я и лишь после этих слов вспомнила, что, вообще-то, хотела бы оказаться дома.

Себастьян кивнул, подозвал одного из сотрудников и попросил проводить меня к отцу. Я шла вдоль опустевших рядов, внимательно глядя под ноги, чтобы не споткнуться о складки собственного платья, и чувствовала, как торжественный вечер, который ещё совсем недавно казался мне длинным и скучным, незаметно превращается в начало чего-то совершенно другого.

Глава 11. После полуночи

Отец встретил меня у бокового выхода из зала и первым делом спросил, не пострадала ли я. Я ответила, что нет, хотя в ушах ещё звенело от последнего удара магического контура, а мысли никак не желали выстраиваться в привычный порядок. Он внимательно посмотрел на моё лицо, затем на руки, и только после этого позволил себе выдохнуть.

— Кристиан сказал, ты указала ему на внутреннюю связку.

— Я увидела, куда шёл поток. Он сделал всё остальное.

— Хорошо. Теперь пойдём к матери.

Коридор, по которому мы направились, казался непривычно тесным после огромного парадного зала. Дежурные маги проверяли дверные арки, дворцовые служащие переносили воду и чистые полотенца, а гости стояли небольшими группами, обмениваясь тревожными предположениями. Ни одно из них, насколько я слышала, не приближалось к действительности. Впрочем, я и сама пока не могла объяснить случившееся.

Матушка находилась в дальней гостиной вместе с Викторией и Эмилией. Стоило мне войти, как она поднялась и направилась навстречу, не обращая внимания на то, что рядом стояли несколько высокопоставленных дам. Она обняла меня, затем отступила на шаг.

— Катенька, ты в порядке?

— Да, мама. Просто устала.

— Ты была очень близко к платформе, — произнесла Виктория, сжимая мои пальцы.

— Не настолько близко, как Кристиан.

— Это не делает ситуацию лучше, — заметила она.

Эмилия молчала, что само по себе было достаточным свидетельством её волнения. Я присела рядом с ней на диван, взяла стакан воды и только теперь заметила, как пересохло в горле. Несколько минут никто не задавал вопросов. Сквозь закрытые двери доносились отдалённые шаги и приглушённые голоса.

Потом появился Дамиан. Он выглядел собранным, но, увидев меня, заметно расслабил плечи.

— Ну что, — сказал он, стараясь говорить привычным тоном, — кажется, для одного вечера дворец решил предоставить нам слишком много развлечений.

— Я бы предпочла концерт, — ответила я.

Он опустился на подлокотник кресла.

— На будущее непременно предложу распорядителям. Слушай, ты не видела, куда ушёл Кристиан?

— Он остался у реликвии с магами управления.

Дамиан кивнул. Отец, поговорив с одним из гвардейцев, сообщил, что гостей пока не выпускают из западного корпуса: специалисты проверяют, не затронул ли сбой другие охранные системы. Это было разумно, но перспектива провести остаток ночи в официальной гостиной не вызывала у меня радости.

Вскоре слуги принесли чай и лёгкие закуски. Матушка настояла, чтобы я хотя бы попробовала поесть, и, увидев, что спорить бесполезно, я взяла маленький бутерброд. Он оказался неожиданно вкусным. Наверное, в обычный вечер я бы даже спросила рецепт соуса, но сегодня все мысли возвращались к исчезнувшей линии между узлами реликвии.

Кристиан пришёл ближе к полуночи. С его щеки наконец исчезло чернильное пятно, но на манжете осталось тёмное пятнышко, похожее на след от прожжённой бумаги. Увидев нас, он быстро сел рядом и принялся рассказывать о диагностике — сначала отцу, потом всем остальным, потому что остальная семья явно не намеревалась оставаться в неведении.

— Внешние защитные контуры не повреждены, — объяснил он. — Внутри обнаружилась нестабильность, которая не соответствует ни одной из известных нам схем. Мы временно отключили церемониальную подпитку и изолировали реликвию. Завтра понадобится повторная проверка.

— Ты знаешь, что именно произошло? — спросил Александр, появившийся как раз к концу объяснения.

— Пока нет. Мы знаем, что произошло с энергией. Но не знаем, почему схема попыталась направить её туда, где не было действующего соединения.

Я повернулась к брату.

— Оно было. Или когда-то было.

Кристиан взглянул на меня, и мы одновременно вспомнили рисунки из Розенхольма. Я видела это по тому, как он вдруг перестал вертеть в пальцах серебряную застёжку плаща.

— Катя, — начал он, — ты уверена, что видела не остаточную проекцию?

— Нет. Именно поэтому хочу сравнить наблюдения с теми чертежами, которые у нас есть. Но когда энергия пошла по верхнему кольцу, место отсутствующей связи стало видно совершенно ясно. Оно не похоже на случайную трещину.

— Не сейчас, — мягко сказал отец. — Вы оба заслужили хотя бы несколько часов отдыха.

Кристиан открыл рот, собираясь возразить, затем взглянул на мать и предпочёл промолчать. Это оказалось мудрым решением.

Некоторое время спустя в гостиную вошёл сотрудник магического управления и попросил меня пройти для короткой беседы. Отец немедленно поднялся. Я заметила, как изменилось лицо Дамиана, но он не вмешался. Мы с отцом проследовали в небольшую комнату рядом с коридором, где за столом сидели Себастьян и незнакомая мне женщина в серой форме управления. Перед ними лежали чистые листы бумаги и два тонких кристаллических регистратора.

— Леди де Вальтер, герцог, благодарю, что пришли, — сказал Себастьян. — Мы не будем задерживать вас надолго. Нам нужны только первичные показания, пока воспоминания свежи.

Женщина представилась магистром Лидией Орс, специалистом по фиксации магических следов. Она предложила мне сесть и поставила на стол графин с водой. Себастьян уточнил, согласна ли я на запись разговора. Я согласилась, но попросила объяснить, как именно работает устройство. Лидия ответила спокойно и подробно; регистратор сохранял слова и время произнесения, не читая мыслей и не вмешиваясь в память.

Первые вопросы были простыми. Где я находилась перед началом церемонии? Когда впервые посмотрела на Камень? Видела ли изменения до императорской речи? Затем Себастьян попросил описать структуру.

Я рассказала о семи узлах, опорном кольце и пустом промежутке. Когда дошла до восьмой связи, Лидия неожиданно подняла голову.

— Вы уверены, что речь именно о соединении, а не о вспомогательном контуре?

— Если бы это был вспомогательный контур, его ответвления уходили бы к внешним распределителям. А там было место, к которому сходились все основные линии. Я не знаю, почему не видела его прежде. Возможно, связь проявилась только при определённой нагрузке.

Себастьян сделал пометку.

— Вы изучали древние семиконтурные системы?

— Только теорию, доступную в нашей семейной библиотеке. И некоторые работы по истории империи. Я не специалист по реликвиям.

— Однако распознали направление аварийного потока раньше дежурных магов.

— Я его видела. Это не то же самое, что понимать устройство всей системы.

На этот раз он посмотрел на меня почти одобрительно.

— Важное различие.

— Я слышала, вы тоже его цените.

На мгновение в комнате повисла тишина. Лидия склонилась над записями, скрывая улыбку, а отец слегка кашлянул. Себастьян, к моему удивлению, не обиделся.

— Ценю, — подтвердил он. — И прошу вас не изменять этому принципу, когда будете рассказывать о случившемся другим людям.

Я кивнула. Вопросы продолжились. Мы уточнили детали церемонии, положение участников и время первой вспышки. Когда регистратор погас, Лидия осторожно сложила листы. Себастьян поднялся, давая понять, что беседа окончена.

— Пока нет оснований считать, что вы причастны к возникновению сбоя, леди де Вальтер, — сказал он. — Однако ваши наблюдения могут оказаться чрезвычайно важными. Вероятно, завтра нам понадобится встретиться снова.

— Через управление или академию?

— Сначала через управление. Дальнейший порядок согласуем с вашим отцом и руководителем исследований.

Я поднялась. Отец поблагодарил их за разъяснения, и мы направились к двери. Уже на пороге Себастьян негромко добавил:

— И ещё, леди. Вы поступили правильно, когда сообщили о направлении потока, а не попытались исправить плетение самостоятельно.

Я обернулась.

— Меня хорошо учили не делать того, чего я не понимаю.

— Редкое и полезное качество.

— Не тревожьтесь, лорд де Рейнар. У меня достаточно других недостатков.

Он чуть склонил голову, на этот раз не скрывая короткой улыбки.

Мы вернулись к семье. После ещё одного часа ожидания дворцовая охрана наконец разрешила гостям разъехаться. Ночь успела перейти в ту предутреннюю пору, когда город затихает особенно глубоко: фонари ещё горят, но даже колёса карет звучат приглушённо. Я сидела рядом с матушкой, опираясь виском на мягкую спинку, и наблюдала, как за стеклом проплывают тёмные фасады домов.

Никто не требовал от меня рассказов. Отец тихо разговаривал с Александром о проверках, Дамиан с Кристианом обменивались короткими замечаниями, Виктория поправила сползавшую с моих плеч накидку. От этого простого движения мне вдруг стало легче, чем от всех заверений дворцовых магов.

У ворот особняка нас встретил сонный привратник. Мы поднялись по знакомой лестнице, на которой вчера ещё обсуждали расписание торжества, а сегодня считали ступени, мечтая добраться до кроватей. Матушка настояла, чтобы утром меня не будили без крайней необходимости. Кристиан обещал ничего не взрывать до обеда. Дамиан заявил, что это самое смелое обещание за весь вечер.

Я закрыла за собой дверь комнаты, сняла украшения и, прежде чем погасить свет, задержалась у окна. Над садом начинало светлеть небо. На верхушках деревьев проступали тонкие серые очертания, из соседнего двора донёсся первый звук открывшихся ворот. Ещё несколько часов назад мне казалось, что главной неприятностью этого вечера станет очередная длинная речь и необходимость помнить имена всех присутствующих. Теперь я знала: в древней реликвии существовало соединение, о котором, возможно, забыли не случайно.

Я положила на письменный стол листок и, пока воспоминания не выцвели, быстро набросала восемь точек, связанных линиями. Последнюю оставила незаконченной. Потом сложила бумагу пополам и убрала в ящик рядом с рисунками третьей петли.

Только после этого погасила лампу и легла. Сон пришёл не сразу. Но прежде чем он окончательно затуманил мысли, я успела решить одну вещь: завтра, когда все выспятся, придётся поговорить с Кристианом. И, вероятно, с отцом. А вот с Себастьяном де Рейнаром, к сожалению, разговоров мне, похоже, было уже не избежать.

Глава 12. Утро, которое наступило слишком поздно

Я проснулась от звука, который поначалу приняла за назойливое жужжание насекомого. Он то приближался, то удалялся, а затем негромко звякнул, будто кто-то уронил серебряную ложечку на блюдце. Я открыла один глаз и обнаружила, что жужжание исходит от письменного стола: над его поверхностью парил маленький золотистый шарик, не больше лесного ореха, и с упорством, достойным лучшего применения, пытался обогнуть ножку настольной лампы.

Шарик был мне знаком. Кристиан подарил его на прошлый день рождения, уверяя, что устройство предназначено для деликатного пробуждения. По моему мнению, человеку, который изобрёл деликатное пробуждение в виде настойчивого механического шмеля, следовало хотя бы однажды испытать собственное творение после бессонной ночи.

— Я тебя вижу, — мрачно сообщила я.

Шарик немедленно остановился, сверкнул и опустился на стол. Значит, брат всё-таки предусмотрел возможность дипломатических переговоров.

За занавесками стоял яркий дневной свет. На прикроватных часах стрелки показывали без малого полдень. Последнее обстоятельство меня обрадовало, хотя и не настолько, чтобы я согласилась немедленно покинуть постель. Ещё вчера — нет, сегодня, поправила я себя, вспомнив предрассветное возвращение из дворца, — весь светский сезон казался состоящим из нарядов, разговоров и церемоний. Теперь у меня был недописанный рисунок древней реликвии и тревожное подозрение, что за него придётся отвечать перед половиной имперского магического управления.

Я перевернулась на спину и некоторое время смотрела на лепнину потолка. По краям узор складывался в ветви, переплетённые с маленькими звёздами. В детстве я считала, что звёзд на потолке должно быть ровно сто, и однажды заставила Дамиана помогать мне с подсчётами. Мы сбились на семьдесят третьей, поспорили, что считать звездой, и закончили тем, что брат объявил лепнину не соответствующей требованиям семейной науки.

Воспоминание было совершенно неподходящим к нынешним обстоятельствам, но, пожалуй, именно поэтому я наконец встала.

В умывальной комнате пахло мятным мылом. Горничная уже приготовила свежее платье — светло-зелёное, без лишних украшений, — и оставила записку матушки: «Позавтракай, когда проснёшься. Никаких обязанностей до обеда». Я взглянула на часы ещё раз. Вопрос о том, распространяется ли распоряжение на обед, оставался открытым.

Внизу особняк жил обычной дневной жизнью. Где-то на первом этаже переставляли мебель; в саду садовник обсуждал с помощником капризную розу, которая, судя по интонации, считала себя вправе цвести вне сезона. Я спускалась по лестнице, проводя ладонью по гладким перилам, и с удивлением ловила себя на том, что прислушиваюсь к привычным звукам. Вчерашнее происшествие почему-то заставило их казаться особенно важными.

В малой столовой меня ожидали чай, горячие булочки и Виктория. Она сидела у окна, читала письмо и делала пометки на полях карандашом. При моём появлении невестка отложила бумагу.

— Доброе утро. Или уже добрый день, если быть строгими.

— Предпочла бы не вводить строгие правила в таком деликатном вопросе, — отозвалась я и опустилась в кресло. — Что-нибудь произошло, пока я изображала разумное человеческое существо и спала?

— Обычные вещи. Дом продолжает стоять, Александр спорит с секретарём о сроках, Дамиан уверяет, что ничего не натворил, а Кристиан дважды пытался попасть к тебе и дважды был изгнан твоей матерью.

— Значит, на свете сохранился порядок.

Виктория налила мне чай. Она выглядела немного уставшей: приём закончился для неё не раньше, чем для всех остальных, но привычная собранность не позволяла ей даже поправлять причёску небрежно.

— И всё же есть новость, — сказала она, дождавшись, пока я возьму булочку. — Из дворца прислали уведомление. Угроза устранена, церемониальный зал закрыт до завершения проверки. Никаких обвинений в адрес гостей не выдвинуто.

— Удивительно щедро с их стороны.

— Катя.

— Я лишь выражаю восхищение здравым смыслом государственных учреждений.

Виктория улыбнулась, но улыбка быстро исчезла.

— У ворот с утра стояли двое журналистов. Александр распорядился их не впускать. Не стоит недооценивать интерес столицы к необычным событиям, особенно если среди участников называют молодую герцогскую дочь.

Булочка вдруг показалась менее аппетитной.

— Меня уже называют участницей?

— Пока свидетелем. Но слухи редко отличаются уважением к точным формулировкам.

Я отложила нож и посмотрела в окно. За стеклом трепетали листья старого клёна, а на дальней дорожке дворецкий наставлял молодого лакея, как правильно нести поднос с хрупкой посудой. Лакей слушал с таким напряжением, словно от равновесия чашек зависело благополучие империи.

— Себастьян сказал, что нет оснований считать меня причастной к сбою, — напомнила я, скорее себе, чем Виктории.

— Значит, это хорошо. Но у людей, которые строят сплетни, редко бывают основания.

Она не стала успокаивать меня пустыми обещаниями. Я любила её за это не меньше, чем за умение в нужный момент оказаться рядом с горячим чаем.

К обеду я добралась до библиотеки, где обнаружила Кристиана. Он сидел за большим столом, окружённый раскрытыми справочниками. На его левом рукаве виднелось свежее чернильное пятно; по всей вероятности, брат находился в полном здравии.

— Катя! — Он поднялся так резко, что один из томов едва не соскользнул на пол. — Я думал, ты будешь спать до вечера.

— Я тоже. Но твой золотой мучитель возразил.

— Ах, будильник. Рад, что он работает.

— Мы ещё обсудим, что именно ты называешь работой.

Я положила на стол сложенный лист. Кристиан сразу перестал улыбаться. Осторожно разгладив бумагу, он наклонился ближе.

— Ты нарисовала это сразу после возвращения?

— Пока помнила. Только не пытайся представить рисунок точной копией. Я устала, а свет в комнате был отвратительный.

— Свет у тебя прекрасный. Я сам ставил лампы.

— Тем больше оснований сомневаться в их качестве.

Он не ответил. Сравнил мой рисунок с чертежом, который принес из лаборатории, и провёл пальцем вдоль пустого промежутка между двумя внешними опорами.

— Вот эта петля, — произнёс он наконец. — Помнишь наш разговор в Розенхольме? Там была похожая недостающая связь. Только меньшего масштаба.

— Именно поэтому я её и заметила. Но в замке кольцо не пыталось замкнуться.

— А во дворце пыталось. Во всяком случае, пока подпитка не была отключена.

За книгами и чертежами мы просидели почти час. Ничего окончательного не выяснили, зато составили три списка: то, что я видела собственными глазами; то, что Кристиан знал из

официальных схем; и то, о чём мы лишь догадывались. Второй список оказался самым длинным, третий — самым тревожным.

— Ты понимаешь, что это не должно было произойти? — спросил брат, когда мы в очередной раз сверили расположение узлов.

— Я начинаю понимать, что слово «должно» в магической науке употребляется слишком свободно.

Он нахмурился и покрутил карандаш. Мне захотелось забрать у него рисунок и спрятать в ящик: Кристиан выглядел именно так, как в детстве перед очередным экспериментом, за который позднее приходилось объясняться обоим.

— Я хочу показать это профессору Вейну, — сообщил он.

— После того как ты спросишь разрешения у управления?

— Я могу обратиться за консультацией, не называя происхождения схемы.

— А я могу надеть корону и объявить себя императрицей. Вопрос в том, насколько разумно это будет выглядеть.

Кристиан вздохнул.

— Не ожидал от тебя такой приверженности бюрократии.

— Я тоже. Запиши дату: возможно, явление больше не повторится.

Мы договорились ничего не пересылать и сначала поговорить с отцом. За пределами библиотеки уже слышались шаги слуг, накрывавших к обеду, и это простое обстоятельство вернуло меня из мира линий и опор в более понятную действительность.

Отец пришёл к столу последним. По лицу его нельзя было определить, сколько неприятных сообщений успело поступить из столицы, однако он тщательно сложил салфетку, прежде чем задать вопрос о моём самочувствии. Этот небольшой жест я знала с детства: он означал, что разговор предстоит серьёзный, но герцог де Вальтер предпочёл бы начать его без свидетелей и без поспешных выводов.

Мы говорили после обеда, в его кабинете. Кристиан объяснял устройство петли, я уточняла, что именно видела, а отец слушал, не перебивая. В конце он попросил оставить ему копию рисунка.

— Я не собираюсь препятствовать исследованиям, — сказал он. — Но вы должны понимать: речь идёт о государственном объекте. Некоторые вопросы здесь нельзя решать только с научной точки зрения.

— А если научная точка зрения окажется единственной правильной? — спросила я.

— Тогда её придётся изложить так, чтобы она выдержала столкновение со всеми остальными.

Я невольно улыбнулась: это был очень отцовский ответ.

Он сообщил, что на завтра назначена официальная встреча в управлении. Пока не допрос и не заседание комиссии — просто беседа со специалистами. Мне разрешалось прийти вместе с ним, а Кристиан мог представить свои замечания отдельным приложением.

Я кивнула, стараясь выглядеть разумной. На самом деле мне больше всего хотелось немедленно выяснить, кто решил, что древняя реликвия обязана иметь ровно семь опор, если моё зрение с таким упрямством показывало восьмую.

Вечером я вышла на террасу с чашкой настоя. Сад тонул в мягком свете, а окна соседних домов уже отражали первые фонари. В дверях появился Дамиан и, не спрашивая разрешения, опёрся о перила рядом со мной.

— Как проходит твой первый день столичной знаменитости?

— Я ещё не получила ни одного достойного предложения руки и сердца. Очевидно, слава недостаточно велика.

— Это можно исправить. Я лично знаком с несколькими людьми, готовыми жениться даже на большом недоразумении.

— Дамиан.

— Не называю имён исключительно из уважения к их семьям.

Мы немного помолчали. Потом брат повернулся ко мне, и привычная насмешка смягчилась.

— Если завтра понадобится компания, скажи. Управление — не самое приятное место, даже когда ты там служишь.

— Ты ведь не собираешься явиться и угрожать сотрудникам?

— Нет. Только тем, которые плохо задают вопросы.

Я толкнула его плечом. Он ответил тем же, осторожно, чтобы не расплескать чай. На столичной улице раздался звон колокольчика проезжавшего экипажа. Завтра предстояло вернуться к восьмой линии, вопросам и людям, которым я пока не доверяла. А сегодня в доме горели тёплые огни, и брат стоял рядом. До некоторой степени этого было достаточно.

Глава 13. Разговор по правилам

Утро началось с дождя. Не сильного, почти прозрачного, но достаточно настойчивого, чтобы испортить настроение любому человеку, который намеревался появиться на официальной встрече с безупречной причёской. Я стояла перед зеркалом, пока горничная Элиза закрепляла последнюю шпильку, и размышляла, насколько несерьёзно будет признать дождь уважительной причиной для отказа от государственного расследования.

— Вы слишком строго смотрите на собственное отражение, миледи, — заметила Элиза.

— Я пытаюсь понять, похожа ли на свидетельницу, которой можно доверять.

— На вас похоже обычное платье. В нём вам удобно.

Я взглянула на тёмно-синюю ткань, строгий воротник и узкие серебристые пуговицы.

— Значит, вопрос доверия решён.

Элиза поправила складку на плече и с невозмутимым достоинством сообщила, что внизу уже ждёт завтрак. Её способность сохранять спокойствие перед любыми моими рассуждениями всегда казалась мне редким талантом.

Отец ожидал у главного входа, надев тёмный дорожный плащ. При виде меня он отложил письмо, которое читал, и оглядел с вниманием, не имеющим ничего общего с оценкой наряда.

— Выспалась?

— Настолько, насколько возможно перед встречей с человеком, который считает уточняющий вопрос признаком преступного умысла.

— Лорд де Рейнар не производит на меня такого впечатления.

— Вы знакомы с ним дольше пяти минут. Это нечестное преимущество.

Отец предложил руку, и мы спустились по ступеням к экипажу. На мокрых плитах двора лежали отражения фонарей, хотя день уже давно наступил; небо затянуло тяжёлыми облаками, и от каменных стен тянуло прохладой. Дорога до управления заняла меньше получаса. Мы миновали торговые улицы, пересекли мост и въехали в квартал государственных учреждений, где даже дождь, казалось, шёл с дозволения соответствующего ведомства.

Здание магического управления выглядело не столько величественным, сколько упрямым. Серый камень, прямые окна, скромный герб над входом. Внутри пахло мокрой шерстью плащей, полированным деревом и знакомой мне сухой горечью активных защитных кристаллов.

Сотрудница приёмной проверила приглашение и проводила нас на второй этаж. По пути мы прошли мимо кабинета с открытой дверью: за большим столом спорили двое магов, а третий, не обращая на них внимания, старательно чертил мелом на доске сложную схему. Мне захотелось остановиться и рассмотреть её. Отец заметил мой взгляд.

— Катерина.

— Я ничего не сделала.

— Я и не утверждал обратного.

— Но предупредили таким тоном, будто это лишь вопрос времени.

Он едва заметно улыбнулся.

Нас встретила магистр Лидия Орс, уже знакомая по дворцовой ночи. Сегодня она была без форменного плаща, в простом сером платье, а её короткие каштановые волосы удерживала деревянная заколка. Она спросила, хорошо ли я перенесла последствия магической вспышки, и предложила пройти в комнату диагностики.

Помещение больше напоминало университетскую лабораторию, чем следственный кабинет. На стенах располагались схемы, под стеклом хранились измерительные приборы, а посреди комнаты стоял стол с тремя отключёнными кристаллами.

— Никаких испытаний без вашего согласия, — сказала Лидия прежде, чем я успела открыть рот. — Мы хотим уточнить ваши наблюдения, а затем показать вам несколько безопасных учебных структур. Они не имеют отношения к дворцовой реликвии.

— Последняя оговорка заставляет меня думать, что первая имела бы отношение к реликвии, если бы позволяли обстоятельства.

— Леди де Вальтер, — раздался голос из дверей, — я рад, что вы сохранили наблюдательность.

Себастьян де Рейнар вошёл с папкой документов в руке. На нём был тёмный служебный костюм без парадных знаков отличия, и выглядел он так, словно дождь, пробки и тревожные события прошлого вечера существовали исключительно для других людей. Мне пришлось признать, что это раздражало.

— Лорд де Рейнар. Надеюсь, ваша любовь к порядку не распространилась на погоду.

— К сожалению, у управления нет полномочий регулировать осадки.

— Приятно узнать, что существуют пределы.

Лидия спрятала улыбку за страницей журнала. Отец обменялся с Себастьяном коротким приветствием, после чего мы перешли к делу.

Сначала я повторила последовательность событий у реликвии, стараясь отделять наблюдения от предположений. Затем Лидия вывела над столом простую трёхконтурную схему и попросила указать её слабые места. С этой задачей я справилась быстро: один узел был слишком нагружен, два соединения проходили под неправильным углом. На второй схеме пришлось задержаться. Третья, по словам Лидии, была абсолютно исправной.

Я смотрела на ровное переплетение энергетических нитей и чувствовала раздражающее несоответствие. Всё стояло на местах, линии замыкались без разрывов, общий поток был стабильным. Но возле нижнего узла оставалось пустое пространство, словно кто-то аккуратно вынул из узора небольшую деталь и пригладил края.

— Схема работает, — сказала я. — Однако в ней будто бы отсутствует вспомогательная связь.

Лидия нахмурилась.

— На этом образце не предусмотрена вспомогательная связь.

— Я знаю. Потому и говорю «будто бы».

Себастьян положил папку на край стола.

— Можете показать место?

Я взяла тонкий указатель и провела им между двумя опорами. Светящиеся линии едва заметно дрогнули.

— Здесь. Я не утверждаю, что конструкция повреждена. Только ощущаю, что она могла бы работать иначе.

Лидия выключила проекцию, достала из ящика старый чертёж и сравнила с увиденным.

— Интересно, — произнесла она после долгого молчания. — Это адаптированная модель, созданная на основе более ранней схемы. В первоначальном варианте действительно была дополнительная обратная связь. Мы убрали её, поскольку при нынешних нагрузках она избыточна.

Я медленно выдохнула. Не потому, что была права — хотя это тоже приятно, — а потому, что впервые кто-то подтвердил: я не выдумала отсутствующую линию.

— Почему вы выбрали именно этот образец? — спросил отец.

Лидия посмотрела на Себастьяна. Тот ответил без заметной паузы:

— Мы хотели понять, как леди де Вальтер описывает конструкцию, когда не знает её истории. Разница между восприятием повреждения и восприятием альтернативной структуры важна для расследования.

— То есть вы решили проверить, видит ли моя дочь то, чего нет? — спокойно уточнил отец.

— Скорее то, что было предусмотрено предыдущим вариантом.

Я посмотрела на Себастьяна внимательнее. Его ответ не был уклончивым. Он действительно считал различие существенным — так же, как я ночью считала необходимым отделять увиденное от своих догадок.

Дальше разговор пошёл легче. Лидия предложила ещё несколько схем, и на одной я ошиблась: приняла остаточное эхо энергии за действующее соединение. Вместо того чтобы спорить, попросила повторить проекцию и после второго просмотра признала ошибку.

— Благодарю, — сказал Себастьян.

— За что именно? Надеюсь, не за моё поражение в споре, которого ещё не было.

— За точность. Нам нужны не безупречные ответы, а достоверные.

Я опустила указатель.

— Значит, в этом мы хотя бы согласны.

Позже нас перевели в переговорную. Там уже лежали копии официальных схем церемониального зала, но самые важные участки реликвии были отмечены глухими прямоугольниками. Доступ к ним ограничивался отдельным распоряжением.

— Если вы хотите, чтобы я сравнила увиденное, мне нужны полные сведения, — заметила я.

— Полные сведения иногда включают государственные секреты, — ответил Себастьян.

— А неполные иногда приводят к неверным заключениям.

— Поэтому мы и обсуждаем порядок допуска.

Он открыл новую папку. Из неё извлекли проект соглашения о конфиденциальности и перечень материалов, которые мне могли предоставить после официального одобрения комиссии. Я прочла первый лист, затем второй и задержалась на третьем.

— Здесь написано, что любое моё воспоминание, связанное с реликвией, становится собственностью управления.

— Формулировка касается результатов официальной фиксации, — пояснил Себастьян.

— Тогда пусть так и будет написано.

Лидия наклонилась над документом.

— Вы правы. Это стандартный бланк для привлечённых специалистов, но в вашем случае пункт требует уточнения.

Отец ничего не сказал, лишь незаметно коснулся моей руки под столом. Я знала этот жест: он не просил меня умолкнуть, а предлагал не торопиться.

Обсуждение заняло ещё полчаса. Мы согласовали формулировки, перечень разрешённых исследований и порядок передачи рисунков. Себастьян не спорил из принципа, если замечание было разумным. Это несколько усложняло моё желание продолжать считать его исключительно невыносимым человеком.

Уже перед уходом он задержал меня у двери.

— Леди де Вальтер, один вопрос вне протокола. Вы действительно видели аналогичную структуру в вашем родовом замке?

Я удивилась. О Розенхольме на официальной встрече мы почти не говорили.

— Я упомянула её ночью. Вы запомнили?

— Это моя работа.

— Удобное объяснение для любой наблюдательности.

— И всё же?

Я рассказала о защитном плетении на западной галерее и о третьей петле, которую мы с Кристианом никак не могли согласовать с известными чертежами. Себастьян слушал внимательно, не делая видимых пометок.

— Пока не пытайтесь изменять этот контур, — сказал он.

— Мы не собирались.

Он посмотрел на меня так, что я невольно добавила:

— Во всяком случае, до завершения проверок.

— Этого достаточно.

Мы распрощались. На улице дождь почти прекратился. Пока экипаж медленно выбирался из государственного квартала, я рассказывала отцу об образцах, старой обратной связи и поправках к соглашению. Он слушал и задавал вопросы, которые показались бы простыми только тому, кто никогда не видел его на заседании совета.

— Ты довольна беседой? — спросил он наконец.

Я задумалась.

— Нет, — призналась я. — Но она оказалась полезнее, чем я ожидала. Это, вероятно, худшее, что можно сказать о неприятном знакомстве.

— Не худшее, Катерина. Иногда полезность становится началом уважения.

— Вы предлагаете мне уважать лорда де Рейнара?

— Я предлагаю тебе судить по поступкам, а не по первому впечатлению.

Я хотела возразить, но вспомнила, как Себастьян без спора согласился изменить документ. И как не попытался объявить моё замечание об отсутствующей связи фантазией. Пришлось признать, что отец, как это ни досадно, снова был прав хотя бы наполовину.

Возвращаясь домой, я уже знала, что Кристиан не позволит мне спокойно снять плащ, пока не получит подробный отчёт. Зато впервые за два дня у меня появились не только вопросы, но и настоящее направление для поисков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.